

От автора
знаменитых
бестселлеров
«Фламандская
доска»
и «Кожа
для барабана»!

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Учитель фехтования

Азбука Premium

Арту́ро Перес-Реверте
Учитель фехтования

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Учитель фехтования / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус»,
1988 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-19045-0

1868 год. Мадрид кипит в водовороте политических страстей и тайных заговоров, под натиском революции вот-вот рухнет испанская монархия. Однако шум эпохи не в силах поколебать душевного спокойствия дона Хайме, погруженного в воспоминания прошлых лет. Его молодость осталась позади, а вместе с ней и сладкая горечь любви, и боль разочарования, но он по-прежнему лучший фехтовальщик во всем Мадриде. И по-прежнему кодекс чести истинного кабальеро для него не пустой звук. Все меняется, когда в жизни дона Хайме появляется загадочная ученица, которая желает постичь секреты его смертельно опасного искусства...

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-19045-0

© Перес-Реверте А., 1988
© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

I	8
II	22
III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Арту́ро Перес-Реверте

Учитель фехтования

Arturo Pérez-Reverte

EL MAESTRO DE ESGRIMA

Copyright © 1988, Arturo Pérez-Reverte

All rights reserved

Азбука PREMIUM

Серия «Азбука Premium»

Перевод с испанского Надежды Беленькой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Н. М. Беленькая, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Карлоте,
а также Рыцарю в желтом камзоле¹*

*Я самый учтивый человек на свете. Моя заслуга в том, что
я никогда никого не обижаю и покорно сношу назойливость невежд,
которые бесцеремонно повествуют о своих невзгодах, а то и читают
стихи собственного сочинения.*

Генрих Гейне. Путевые заметки

В серебряных канделябрах уютно горели свечи, их огоньки отражались в хрустале высоких бокалов. Раскуривая толстую гаванскую сигару, министр внимательно разглядывал необычного гостя. Ему было совершенно ясно: господин, столь настойчиво добивавшийся встречи, – отъявленный пройдоха. Но однажды министру довелось видеть, как к дверям ресторана «Ларди» этого типа подвез великолепный экипаж, запряженный парой сытых английских кобыл, а на ухоженных пальцах, снимавших с сигары кольцо, сейчас блеснул золотой перстень с крупным бриллиантом. Министр оценил элегантную непринужденность, с которой держался господин; припомнил он и ходившие по Мадриду смутные слухи о его темном прошлом... Так что сомнений не оставалось: посетитель был не просто какой-то пройдоха, а пройдоха

¹ Имеется в виду роман отца Артуро Переса-Реверте «Рыцарь в желтом камзоле». – Здесь и далее примеч. перев.

богатый и влиятельный. Министру же, не считавшему себя радикалом в вопросах этики, было отнюдь не безразлично, к какому сорту негодяев принадлежит стоящий перед ним субъект, – его терпимость прямо зависела от достижений и успехов каждого конкретного представителя этого племени. Когда же он предчувствовал, что удастся сорвать крупный куш ценой маленькой сделки с совестью, он делался поистине великодушным.

– Мне нужны доказательства, – произнес министр, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Обоим было ясно: сделка состоится. В глазах посетителя мерцали огоньки. Беседа шла именно так, как он предполагал. Тонко улыбнувшись, он одернул белоснежные манжеты, отчего крупные бриллианты на запонках вызывающе сверкнули, и достал конверт из внутреннего кармана сюртука.

– Доказательства – само собой, – проговорил он с легкой иронией.

Запечатанный сургучом конверт лежал на шелковой скатерти у самого края стола возле руки министра. Министр не прикасался к нему, словно боясь подхватить неведомую заразу, и выжидающе смотрел на гостя.

– Я слушаю вас, – произнес он.

В ответ господин пожал плечами и небрежно указал на конверт: казалось, выпустив его из рук, владелец потерял к нему всякий интерес.

– Взгляните сами, – произнес он равнодушно, словно происходившее не имело к нему отношения. – Имена, адреса... Вам это покажется, во всяком случае, забавным: будет чем занять ваших агентов.

– Неужели здесь указаны все соучастники?

– Скажем так: те, о ком следует упомянуть. Когда речь идет о больших деньгах, приходится все тщательно взвешивать.

При последних словах он снова улыбнулся. На этот раз его улыбка показалась министру несколько вызывающей.

– Сударь, у меня складывается впечатление, что вы относитесь к своему поступку несколько легкомысленно. То, что вы делаете... – Неоконченная фраза прозвучала раздраженно и угрожающе. На лице посетителя мелькнуло удивление.

– Вы же не будете настаивать, – вымолвил он, поразмыслив, – чтобы я, как Иуда, рисковал за какие-то тридцать сребренников... А вы намекаете именно на это.

Министр положил руку на конверт.

– Еще не поздно забрать бумаги назад, – проговорил он, держа сигару в зубах. – Для вас это было бы своего рода героизмом.

– Я отлично вас понимаю. – Гость допил коньяк, поднялся и взял с соседнего стула трость и цилиндр. – Но герои, как правило, гибнут. Или разоряются. Во втором случае мне придется терять слишком много; вы, сударь, знаете это лучше кого-либо другого. Человек в моем возрасте, к тому же занимающийся делами столь серьезными, ценит здравый смысл куда выше добродетели. Это диктуется инстинктом. Так что я за собой вины не чувствую.

Они не стали обмениваться рукопожатием или иными общепринятыми знаками расположения. Шаги на лестнице стихли, прогрохотал отъехавший экипаж. Оставшись один, министр надломил сургуч, раскрыл конверт, надел очки и придвинул канделябр. Сделав маленький глоток коньяка, он надолго углубился в чтение. Отложив последний документ, некоторое время сидел неподвижно, покуривая сигару. Затем посмотрел задумчиво в камин, отапливающий его небольшой кабинет, лениво поднялся и подошел к окну.

Впереди его ждало несколько часов утомительной работы, и он чуть слышно чертыхнулся. В ту ночь на Мадрид обрушился ледяной ливень, принесенный ветром с заснеженных

вершин Гуадаррамы. То была ночь 1866 года. В Испании правила Ее Католическое Величество донья Изабелла II².

² *Изабелла II* (1830–1904) – королева Испании (1833–1868), дочь Фердинанда VII. Вошла в историю как капризная, расточительная правительница, окружавшая себя фаворитами. Царствование Изабеллы совпало с бурным периодом в истории Испании. Еще до ее рождения, в период правления ее отца, начались т. н. «карлистские войны» – по сути, борьба за испанский престол. В ней участвовали две основные группировки: первая отстаивала интересы Фердинанда VII, вторая – его брата Карлоса V, также претендовавшего на корону. Во время правления Изабеллы борьба за престол продолжилась и постепенно переросла в гражданскую войну. Власть королевы опиралась на поддержку военных, и ее правление часто называют «генеральским режимом». Произошло несколько дворцовых переворотов. В начале Испанской революции (1868–1874) Изабелла II бежала во Францию.

I

Немного о поединке

Поединок двух порядочных людей под руководством учителя, исполненного благородных побуждений, – достойный образец хорошего вкуса и изысканного воспитания.

Когда много времени спустя дон Хайме Астарлоа попытался выстроить в цепочку разрозненные события той трагедии и припомнить, как все началось, перед его мысленным взором первым возник маркиз. Вспомнилась открытая терраса в зеленом парке Ретиро, жаркие дни начала лета, теплый ветер, врывающийся в распахнутые окна, и свет – он отражался в вороненой стали рапир, такой нестерпимо яркий, что приходилось невольно щурить глаза.

В тот день маркиз был не в форме; дыхание вырывалось из его легких с шумом кузнечного меха, рубашка намокла от пота. Такова, к сожалению, была расплата за чересчур бурную ночь, но дон Хайме, как обычно, воздержался от неуместных замечаний.

Личная жизнь учеников его не касалась. Он без труда отразил беспорядочные уколы разгоряченного маркиза и быстро атаковал. Гибкая итальянская сталь рапиры согнулась, когда наконец-то уткнулся в грудь противника.

– Укол, ваша светлость.

Луис де Аяла-Велате-и-Вальеспин, маркиз де лос Алумбрес, чертыхнулся и в бешенстве сорвал маску. Лицо его было багровым, потным от жары и напряжения. Сбегавшие по лбу крупные капли пота застревали в бровях и усах.

– Черт бы меня побрал, дон Хайме... – Голос маркиза дрогнул от смущения. – Как вам это удастся? Вот уже третий раз за последние четверть часа вы разбиваете меня в пух и прах.

Дон Хайме пожал плечами. Он снял маску; под тронутыми сединой усами виднелась снисходительная улыбка.

– Сегодня у вас неудачный день, ваша светлость.

Луис де Аяла рассмеялся и принялся мерить широкими шагами галерею, украшенную дорогими фламандскими гобеленами, старинными шпагами, саблями и рапирами. Его пышные выющиеся волосы походили на львиную гриву. Все в нем, казалось, кипело энергией и темпераментом: большое сильное тело, громовой голос. Превыше всего в этом мире ценил он широту души, вспышки восторга и страсти, пылкую дружбу... В свои сорок лет он оставался холостяком. Холеный, статный, маркиз де лос Алумбрес был, как утверждали, настоящим баловнем судьбы. Заядлый игрок и неутомимый любитель женщин, он казался воплощением гуляки-аристократа, образа столь модного в Испании XIX века: за свою жизнь он не прочитал ни единой книги, зато мог пересказать на память родословную любой мало-мальски известной лошади с ипподромов Лондона, Парижа или Вены. Что же до женщин, достаточно вспомнить частенько гремевшие на весь Мадрид скандалы, которые становились притчей во языцех великосветских салонов, жадных до новостей и сплетен. Для своих сорока лет он выглядел превосходно, и стоило лишь вскользь упомянуть о нем, как дамы томно вздыхали: для них его имя стало символом любовных перипетий и бурных страстей.

При дворе ее величества, в этом замкнутом чопорном мирке, про маркиза слагались легенды. Прикрывшись веером, дамы шептались. Поговаривали всякое: что как-то раз во время пирушки в одном из кабачков Куатро-Каминос³ он затеял бурную ссору с поножовщиной – и это было неправдой; что в его усадьбе в Малаге жил якобы некогда усыновленный

³ Куатро-Каминос – пригород Мадрида.

им сын знаменитого разбойника, которого казнили, – а вот это была чистая правда. О его участии в политической жизни – правда, весьма эпизодическом – говорилось мало, зато истории о его любовных похождениях облетели весь город. Болтали, будто некоторые обманутые мужья, занимавшие довольно высокое положение в обществе, имели достаточно оснований вызвать маркиза на дуэль; не у всех, правда, хватало мужества. Четверо или пятеро, скорее всего, просто затем, чтобы удовлетворить общественное мнение, послали к нему секундантов, но их смелое решение привело к печальным последствиям: все они, пожертвовав сладким предутренним сном, встретили новый день, истекая кровью на траве безымянного луга в окрестностях Мадрида. И наконец, сплетники доходили до совсем уже невообразимых предположений: среди сонма обманутых мужей был якобы даже сам король. Впрочем, славный Франсиско де Асиз⁴ вряд ли стал бы ревновать свою августейшую супругу. Пала Изабелла II жертвой губительного обаяния маркиза или нет, навеки осталось тайной, известной лишь самим царствующим особам да исповеднику ее королевского величества. А у беззаботного маркиза не было не только исповедника, но, как говаривал он сам, ни малейшего желания заводить одного.

Маркиз снял нагрудник, оставшись в одной рубашке, и задумчиво положил рапиру на столик, куда слуга поставил серебряный поднос с бутылкой вина.

– На сегодня хватит, дон Хайме. Что-то не везет мне... Выпьем-ка лучше хереса.

Завершающая ежедневные тренировки рюмочка хереса превратилась для них в ритуал. Держа в левой руке маску и рапиру, дон Хайме взял у хозяина дома хрустальный фужер, где, словно жидкое золото, сверкало вино. Маркиз с наслаждением вдохнул аромат.

– Признайтесь, маэстро: в Андалусии всякую дрянь в бутылки не наливают. – Он не спеша пригубил золотистую жидкость и прищелкнул языком. – Посмотрите-ка на свет: чистое золото, солнце Испании. Разве можно сравнить это с бурдой, которую пьют за границей?

Дон Хайме с готовностью согласился. Ему по душе был и сам Луис де Аяла, и его манера обращаться к нему «маэстро», хотя, по сути, маркиз не был его учеником: при королевском дворе он вот уже много лет считался лучшим фехтовальщиком и давно не нуждался ни в чьих уроках. Его отношения с доном Хайме были иного рода: маркиз любил фехтование так же страстно, как карты, женщин и лошадей. И неудивительно, что ежедневно он целый час проводил с рапирой в руке. Это занятие было не только полезным упражнением для тела – оно имело еще и неоценимый практический смысл: с помощью шпаги или рапиры маркизу время от времени приходилось решать вопросы чести. Лет пять назад в поисках достойного противника Луис де Аяла обратился к лучшему учителю фехтования Мадрида – именно таковым слыл дон Хайме, хотя любители моды считали его стиль излишне консервативным. С тех пор ежедневно, кроме субботы и воскресенья, ровно в десять утра учитель фехтования приходил во дворец Вильяфлорес, где жил маркиз. Именно там, в просторном фехтовальном зале, отделанном по последнему слову тогдашней светской моды, маркиз неистово, с ожесточенным пылом атаковал и блестяще отражал самые хитроумные атаки, хотя в конце концов неизменно побеждали талант и мастерство дон Хайме. Маркиз, лидер от природы, тем не менее умел достойно проигрывать и относился к незаурядному профессионализму старого учителя с искренним восхищением.

Поморщившись, словно от боли, маркиз ощупал свое тело и притворно вздохнул.

– Клянусь преисподней, маэстро, давненько вы меня так не отделявали... После вашего урока меня спасет только хорошая бутылка вина.

Дон Хайме усмехнулся:

– Я же предупреждал, ваша светлость: сегодня у вас не лучший день.

– Да уж. Если б у вашей рапиры не было наконечника, вы бы отправили меня на тот свет. Боюсь, я выглядел не лучшим образом.

⁴ Франсиско де Асиз де Бурбон (1822–1902) – племянник Фердинанда VII, принц-консорт, супруг Изабеллы II.

– За безрассудства приходится платить, ваша светлость.
– Что правда, то правда. Особенно в моем возрасте. Я ведь уже не мальчишка, черт побери! Но ничего не поделаешь, маэстро. Вы и представить не можете, что со мною стряслось.
– Наверное, вы влюбились, ваша светлость.
– Вы правы, – вздохнул маркиз, подливая себе хересу. – Влюбился, как последний щенок. По уши.

Дон Хайме кашлянул и пригладил усы.
– Если не ошибаюсь, – заметил он, – уже третий раз за этот месяц.
– Ну и что? Уж если я влюбляюсь, то влюбляюсь по-настоящему. Вы меня понимаете?
– Отлично понимаю. Я совершенно серьезен, ваша светлость.
– Просто удивительно! Чем старше, тем безнадежнее влюбляюсь и ничего не могу с собой поделать. Рука по-прежнему сильна, а сердце слабо, как говорили поэты. Если бы вы только знали...

И маркиз многословно, с выразительными недомолвками принялся описывать всепожирающую страсть, которая довела его в ту ночь до полного изнеможения. О да, настоящая светская дама... И муж, как водится, в полном неведении.

– Вы совершенно правы, маэстро. – По лицу маркиза скользнула озорная улыбка. – Сегодня я расплачиваюсь за свои грехи.

Дон Хайме укоризненно покачал головой.

– Фехтование – как причастие, – улыбнулся он. – Приступать к нему надо, очистив тело и душу. Стоит нарушить неписанный закон – и наказание неизбежно.

– Черт возьми, маэстро! Надо бы это записать.

Дон Хайме поднес к губам рюмку. Он казался полной противоположностью маркиза: далеко за пятьдесят, среднего роста; худоба придавала его телу, крепкому, сухому и сильному, словно сплетенному из упругих виноградных лоз, обманчиво хрупкий вид. Орлиный нос, чистый высокий лоб, седые пышные волосы, тонкие изящные руки воплощали в себе сдержанное достоинство, которое еще более подчеркивалось серьезным выражением серых глаз, окруженных тонкими морщинками, делавшими его улыбку на удивление обаятельной и живой. Подвитые на старинный манер усы были не единственной старомодной чертой в его облике. Скромные средства позволяли ему одеваться неброско и практично, но делал он это с элегантностью минувших времен, чуждой сиюминутным влияниям моды. Его костюмы, даже купленные совсем недавно, были сшиты по выкройкам, изготовленным лет двадцать назад, что, впрочем, для возраста его можно было считать хорошим тоном. Все это придавало старому маэстро вид человека, для которого не существует времени, человека, нечувствительного к ритму своей эпохи. В глубине души эта отчужденность от времени приносила ему особенное, загадочное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Слуга принес маэстро и маркизу большую лохань с водой для умывания. Луис де Аяла снял рубашку; на его могучей груди, лоснившейся от пота, виднелись красные следы укулов учебной рапиры.

– Клянусь Люцифером, маэстро, вы сделали из меня решето... Подумать только, за что я расплачиваюсь!

Дон Хайме вытер лоб и посмотрел на него с иронией. Маркиз тем временем, сопя, обмыл торс.

– Ну а если говорить серьезно, – добавил он, – политика наносит удары безжалостнее. Представьте только, Гонсалес Браво⁵ предложил мне вернуться в парламент! Говорит, с видами на очень солидную должность. Должно быть, не на шутку влип, раз ему вдруг понадобился такой пропащий человек, как я.

⁵ Луис Гонсалес Браво (1811–1871) – испанский политик, сторонник Нарваэса.

На лице маэстро изобразилось притворное недоумение. К политике он был совершенно равнодушен.

– Что же собирается делать ваша светлость?

Маркиз презрительно пожал плечами:

– Делать? Да ровным счетом ничего. Я уже сказал моему сиятельному тезке: пусть это теплое местечко займет его папенька. Конечно же, я употребил другие выражения. Мне больше по душе беззаботная жизнь, стол в казино и хорошенькие глазки. А прочего у меня и так хватает.

Луис де Аяла был депутатом в кортесах. Когда-то, во время правления одного из последних кабинетов Нарваэса⁶, он занимал важный пост в канцелярии Министерства внутренних дел. Его отставка несколько месяцев спустя совпала по времени с гибелью титулярного советника Вальеспина Андреу, его дяди со стороны матери. Чуть позже Аяла, на сей раз по собственной воле, оставил должность в конгрессе и покинул ряды партии «модерадос»⁷, в которой состоял до поры до времени, не проявляя, впрочем, особого рвения. Выражение «у меня и так всего хватает», произнесенное маркизом на собрании в Атенее, стало крылатым, и вскоре его заимствовали политики – пускали в ход всякий раз, когда кто-нибудь хотел выразить, до какой степени он разочарован скверным положением дел в стране. С тех пор маркиз де лос Алумбрес держался в стороне от любой общественной деятельности, отказывался от участия в гражданских и военных акциях, проходивших в правящих кабинетах монархии, и наблюдал за политическими волнениями издали с самодовольной улыбкой дилетанта. Жил он на широкую ногу и, не моргнув глазом, проматывал за игорными столами огромные суммы. Злые языки поговаривали, что Луис де Аяла частенько оказывался на грани разорения, но каждый раз он умудрялся поправить свое экономическое положение, словно его оскудевшие средства неустанно пополнялись из таинственных неисчерпаемых источников.

– Ну а как ваши поиски Грааля, дон Хайме?

Не застегнув до конца рубашку, маэстро замер и печально посмотрел на собеседника.

– Не очень хорошо. Точнее сказать, весьма средне... То и дело задаю себе вопрос, по силам ли мне его найти. Бывают минуты, когда, признаться, я бы с радостью отказался от этих поисков.

Луис де Аяла закончил омовения, перекинул полотенце через плечо и взял стоявшую на столе рюмку хереса. Побарабанив пальцами по хрусталу рюмки, он прислушался к звуку с явным удовольствием.

– Что это вам взбрело в голову, маэстро? Кому, как не вам, этим заниматься?

На губах дон Хайме мелькнула грустная улыбка.

– Спасибо за доброе слово, ваша светлость. Но в мои годы понимаешь, что жизнь состоит из сплошных разочарований... И главное – разочаровываешься в себе самом. Я начал подозревать, что моего Грааля просто не существует.

– Все это вздор, друг мой.

Вот уже много лет Хайме Астарлоа работал над «Трактатом об искусстве фехтования», который, по словам поклонников его редкого дарования и опыта, должен был стать фундаментальным творением, сравнимым лишь с трудами таких замечательных мастеров, как Гомард, Грисьер и Лафуажер. Но однажды автор усомнился: сумеет ли он изложить письменно то, что составляет смысл всей его жизни? Постепенно неуверенность его возрастала. Желая сделать свое произведение неким *non plus ultra*⁸ столь волновавшей его темы, он хотел описать в нем

⁶ *Рамон Мария Нарваэс* (1800–1868) – герцог Валенсийский; испанский политик, генерал, фактически диктатор Испании в 1843–1854 гг. Родился в г. Лохе, в провинции Гранада, поэтому в дальнейшем упоминается как Всадник из Лохи. Поддерживал Изабеллу II, неоднократно становился главой правительства, исповедовал принцип «применять палку и бить крепко».

⁷ «Модерадос» – правое крыло оппозиции монархии, выражающее интересы крупной буржуазии и крупных помещиков.

⁸ Непревзойденный шедевр (*лат.*).

мастерский укол, великолепное, безупречное действие⁹, самое совершенное творение человеческого гения, вдохновляющий образец для подражания. Поиску этого действия дон Хайме Астарлоа посвятил всю жизнь – с того мгновения, когда его рапира впервые скрестилась с рапирой противника. Но поиски Грааля, как сам он их называл, оставались бесплодными. И теперь, подойдя к началу постепенного физического и умственного разрушения, старый маэстро чувствовал, как мощь уходит из его пока еще сильных рук, а талант, который всегда вел его за собой, под гнетом лет начинает слабеть. Каждый вечер, сидя в тишине скромного кабинета, при свете лампы над пожелтевшими от времени листами бумаги, дон Хайме тщетно пытался вырвать из глубин своего сознания ключ, о существовании которого он смутно догадывался каким-то неведомым чутьем. Шло время, а злосчастный ключ никак не желал покидать свое тайное убежище. Часто маэстро просиживал в раздумьях до рассвета, так и не ложась спать. Иногда внезапно просыпался, чувствуя прилив вдохновения, вскакивал в одной рубашке, с яростью хватал рапиру и спешил к зеркалам, покрывавшим стены его небольшого фехтовального зала. И там, стараясь припомнить то, что всего минуту назад вспыхнуло искрой в его спящем разуме, пускался в беспорядочное, бесполезное преследование. Его движения и мысли становились в безмолвной схватке с отражением, коварно улыбавшимся ему из темноты.

Дон Хайме Астарлоа вышел на улицу, держа футляр со шпагами под мышкой. Утро выдалось на редкость жарким; Мадрид медленно плавился под взошедшим немилосердным солнцем. На тертулии¹⁰ в кафе «Прогресо» все разговоры вращались вокруг жары и политики: сетования на зной постепенно сменялись другой животрепещущей темой – обсуждением политических заговоров, большая часть которых мгновенно становилась известной. Летом 1868 года в заговорах, казалось, принимали участие все, кому не лень. Старик Нарваэс умер в мае, и Гонсалес Браво считал себя достаточно могущественным, чтобы взять страну в железный кулак. В Восточном дворце королева бросала пламенные взгляды на молоденьких офицеров, страстно молилась и готовилась к предстоящему лету на Севере. А кое-кому не оставалось ничего другого, как проводить лето в изгнании: многие влиятельные личности – такие, как Прим, Серрано, Сагаста или Руис Сориля¹¹, – были сосланы на чужбину или находились под строжайшим наблюдением. Свои силы они отдавали мощному подпольному движению под названием «Достойная Испания». Все сходились во мнении, что дни Изабеллы II сочтены; сторонники мягких мер распространяли слухи, что королеве и ее сыну Альфонситу¹² нужно отказаться от своего права на престол; радикалы же откровенно лелеяли мечту о республике. Поговаривали, что дон Хуан Прим со дня на день вернется из Лондона; однако легендарный герой Кастильехос уже приезжал – и не раз, но вынужден был бежать. «Смоквы еще не созрели», – пелось в популярной песенке. Тем временем кое-кто считал, что смоквы не только созрели, но уже начали подгнивать, провисев на дереве слишком долго. Словом, слухам и сплетням не было числа.

Скромный достаток дон Хайме не позволял ему особенных излишеств, и он только помотал головой извозчику, услужливо предложившему свой экипаж. Маэстро шел пешком по бульвару Прадо, оглядывая беззаботных пешеходов, искавших прибежища в тени деревьев. В толпе то и дело мелькало какое-нибудь знакомое лицо, и маэстро вежливо здоровался, припод-

⁹ Термин «действие» обозначает в фехтовании набор приемов, связанных между собой и имеющих единую цель.

¹⁰ *Тертулия* – постепенно уходящие в прошлое собрания в кафе или барах, где обсуждаются различные темы, связанные с политикой и культурой.

¹¹ *Хуан Прим-и-Пратс* (1814–1870), граф Реусский, маркиз Кастильехос – испанский политик, сторонник конституционной монархии, ярый противник правительства Изабеллы II, активный участник революции 1868 г. *Франсиско Серрано-и-Домингес* (1810–1885) – испанский политик, глава партии либералов. В 1871–1902 гг. шесть раз был главой правительства. *Прайседес Матео Сагаста* (1827–1903) – испанский политик, глава партии прогрессистов. *Мануэль Руис Сориля* (1833–1895) – испанский политик, сторонник республиканской партии.

¹² Имеется в виду Альфонс XII (1857–1885), сын Изабеллы II и Франсиско де Асиз, в дальнейшем король Испании (1874–1885).

нимая цилиндр. Почтенные гувернантки в форменных платьях оживленно судачили, сидя на деревянных скамьях и присматривая издали за детьми в матросских костюмчиках, игравшими возле фонтанов. В открытых экипажах степенно проплывали дамы, заслоняясь от солнца кружевными зонтиками.

Даже в легком летнем сюртуке дон Хайме изнывал от жары. По утрам он давал уроки еще двоим ученикам у них на дому. То были юноши из хороших семей: их родители считали фехтование упражнением, полезным для здоровья, и одним из немногих занятий, не наносивших ущерба семейной чести. Эти уроки, а также занятия еще с тремя или четырьмя учениками позволяли дону Хайме вести соответствующий его вкусу образ жизни. Его личные расходы были очень невелики: оплата жилья на улице Бордадорес, обед и ужин в ближайшем кафе, кофе да гренки в «Прогресо»... Дополнительные же расходы дон Хайме мог себе позволить благодаря маркизу де лос Алумбрес, который, единожды установив порядок оплаты, аккуратно платил ему в первый день каждого месяца; таким образом, дону Хайме удавалось даже откладывать небольшую сумму на ту пору, когда возраст уже не позволит зарабатывать на существование и ему придется доживать век в богадельне. Все чаще и чаще его посещала печальная мысль, что этот день уже не за горами.

Депутат кортесов граф де Суэка, чей старший сын был одним из немногочисленных учеников дон Хайме, прогуливался верхом. На ногах у него красовались сияющие английские сапоги для верховой езды.

– Приветствую вас, маэстро.

Шесть или семь лет назад граф и сам был учеником дон Хайме. В те времена ему пришлось участвовать в дуэли, и, желая усовершенствовать свою технику, он прибег к услугам известного учителя фехтования. Результат оказался превосходным – шпага сразила противника наповал, и с той поры граф поддерживал с маэстро приятельские отношения, а впоследствии доверил ему обучение своего сына.

– Итак, под мышкой у вас рабочие инструменты... Утренние занятия, как я полагаю.

Улыбнувшись, дон Хайме нежно погладил рапиры. Здороваясь с ним, граф приветливо коснулся рукой крыла шляпы, по-прежнему оставаясь в седле. Уже не в первый раз дон Хайме отмечал, что, за исключением редких случаев, как с Луисом де Аялой, отношение учеников к своему учителю было приблизительно одинаковым – любезным, но дистанция неизменно соблюдалась. Однако ему исправно платили за услуги, а это, так или иначе, само по себе уже немало. Преклонный возраст позволял маэстро не забивать себе голову подобными пустяками.

– Как видите, дон Мануэль... Действительно, у меня сейчас утренние занятия. Я пленник душного Мадрида, однако работа есть работа, ничего не поделаешь.

Граф, не работавший за всю свою жизнь ни единого дня, понимающе кивнул, сдерживая великолепную английскую кобылу, нетерпеливо переступавшую с ноги на ногу. Он рассеянно огляделся и провел мизинцем по бороде: его крайне интересовали дамы, гулявшие вдоль решетки Ботанического сада.

– Ну а как там мой Манолито? Надеюсь, он делает успехи?

– Еще бы, сеньор. Он способный юноша. Излишне горяч, но в семнадцать лет это простительно. Время и дисциплина смягчат его нрав.

– Все в ваших руках, маэстро.

– Благодарю за доверие, ваше сиятельство.

– Всего доброго.

– И вам также. Мое почтение сеньоре графине.

Граф отпустил поводья, и дон Хайме отправился дальше. Свернув на улицу Уэртас, он задержался возле витрины книжного магазина. Покупка книг, удовольствие отнюдь не дешевое, была его страстью, которой он предавался, увы, не так уж и часто. Маэстро с нежностью смотрел на позолоченные корешки книг в кожаных переплетах и вспоминал минувшие годы,

когда дела шли хорошо и он мог жить на широкую ногу. Глубоко вздохнув, он вернулся мыслями к настоящему, сунул руку в карман жилета и достал часы на длинной цепочке, оставшиеся у него от лучших времен. До визита к дону Матиасу Сольдевиля – «Мануфактура Сольдевиля и братья, поставщики Королевского дома и Колониальных войск» – оставалось пятнадцать минут; по истечении этого времени ему придется битый час вдальбивать в тупую голову Сальвадорина, сына дона Матиаса, основы фехтования: «Вперед, батман, смелее, обходи руку... Раз, два, три, Сальвадорин, раз, два, так, еще раз, отлично, осторожно, вот так, стоп, плохо, очень плохо, отвратительно, еще раз, выше, один, два, стоп, батман, сбоку, смелее... Малыш делает успехи, дон Матиас, клянусь вам. Он совсем еще зелен, но у него есть интуиция и способности. Ему нужны лишь время и дисциплина...» И это – за шестьдесят реалов в месяц.

Солнечные лучи падали почти отвесно; воздух над мостовой дрожал. По улице проехал водовоз, расхваливая свой прохладный товар. Зеленщица, сидевшая в тени возле корзин с фруктами и овощами, отгоняла мух, которые тучей вились вокруг. Дон Хайме снял шляпу, достал носовой платок и вытер со лба пот. Вскользь полюбовался военным гербом, вышитым на старом шелке платка синими нитками, выцветшими от времени и многочисленных стирок, и, покорно подставив плечи безжалостному солнцу, продолжил путь вверх по улице. Тень съехала у самых ног маленьким темным пятном.

«Прогресо» вовсе не походило на кафе в обычном понимании этого слова. Несколько столиков из шербоatego мрамора, столетние стулья, скрипящий под ногами деревянный пол, пыльные шторы, полумрак. Старик-управляющий Фаусто дремал у двери в кухню, из которой доносился уютный запах кофе. Тощий облезлый кот с вороватым видом шнырял под столами, выслеживая мышь. Зимой в «Прогресо» пахло сыростью, на обоях проступали большие унылые пятна. Посетители кутались в пальто и теплые плащи, словно желая продемонстрировать молчаливое недовольство дряхлой железной печуркой, тускло красневшей в одном из углов.

К лету все менялось. В центре раскаленного от зноя Мадрида кафе «Прогресо» становилось оазисом прохлады и тени; казалось, в его стенах за тяжелыми шторами чудом сохранился холод, накопившийся за зиму. И едва наступала пора летнего зноя, небольшая тертулия дона Хайме собиралась в кафе «Прогресо» каждый вечер.

– Вы, как обычно, искажаете мои слова, дон Лукас.

У произнесшего эти слова Агапито Карселеса был вид священника-расстриги, коим он, впрочем, и являлся. Споря, он воздевал указательный палец, будто призывал в свидетели само небо, – эту привычку он приобрел за то недолгое время, когда по необъяснимой халатности церковных властей, о чем епископ его долго впоследствии сожалел, его допустили на кафедру проповедовать благочестивым прихожанам. Обычно он перебивался с хлеба на воду, брал в долг у знакомых или под вымышленным именем писал пламенные речи в поддержку радикалов для выходившей ничтожным тиражом газетенки «Патриот-подпольщик», которую он бесплатно раздавал приятелям. Называя себя республиканцем и федералом, он громко декламировал трескучие антимонархические сонеты собственного сочинения, каждому встречному и поперечному объявлял, что Нарваэс – тиран, Эспартеро¹³ – фарисей, а Серрано и Прим вызывают у него серьезные подозрения; совершенно некстати сыпал цитатами на латыни и по любому поводу ссылался на Руссо, не прочтя за всю жизнь ни одной его книги. Основным предметом его нападок были духовенство и монархия, а самыми прогрессивными вкладами в развитие человечества он считал изобретение печати и гильотины, о чем тоже неустанно твердил всем и каждому.

¹³ *Бальдомеро Эспартеро* (1793–1879) – испанский политик, регент, затем сторонник Изабеллы II в войне против карлистов. Один из самых популярных людей Испании середины XIX в.

Дон Лукас Риосеко барабанил пальцами по столу, теряя остатки терпения. Он что-то бормотал, морщился и разглядывал на потолке пятна с таким видом, будто они могли дать ему силу и выдержку, чтобы спокойно дослушать бредни журналиста.

– О чем тут спорить? – заключил Карселес. – Руссо дал исчерпывающий ответ на вопрос, каким является человек по своей природе – добрым или злым. И его выводы, господа, просто великолепны. Великолепны, дон Лукас, так и знайте! Все люди добры, а посему свободны. Все люди свободны и посему равны. Отсюда вывод: все люди равны, ergo¹⁴ равноправны. Вот так, господа! Свобода, равенство и национальное равноправие следуют, таким образом, из природной доброты человека. А все прочее, – он стукнул кулаком по столу, – вздор и ерунда.

– Но ведь есть и негодяи, дорогой друг, – вмешался дон Лукас с таким ехидством, словно ему удалось поймать Карселеса на его же собственную удочку.

Карселес улыбнулся холодно и презрительно.

– Разумеется. Кто же в этом усомнится? Например, Всадник из Лохи, ныне гниющий в аду; Гонсалес Браво и его шайка, кортесы... Но это лишь обычное недоразумение. Так вот: чтобы разобраться с такими господами, Французская революция подарила миру гениальную штуку – острую бритву, которая движется вверх-вниз: раз – и готово, раз – и готово. И так уничтожаются все недоразумения – как обычные, так и необычные. *Nox atra cava circumvolat umbra*¹⁵. А свободному и равноправному народу – свет разума и прогресса.

Дон Лукас сдерживал себя с трудом. Он происходил из благородной, но обедневшей дворянской семьи, был тщеславен и в кругу друзей слыл мизантропом. Вдовец лет шестидесяти, детей он не имел. Жизнь его сложилась не самым удачным образом: все знали, что со времен покойного Фердинанда VII¹⁶ денег у него не водилось и жил он на скудную ренту да за счет доброты великодушных соседей. Однако в соблюдении благопристойности был крайне щепетилен. Его немногочисленные костюмы всегда тщательно отутюжены, а изящество, с каким он завязывал единственный галстук и вставлял в левый глаз черепаховый монокль, вызывало всеобщее восхищение. Он придерживался реакционных идей: считал себя монархистом, католиком и, главное, порядочным человеком. Словом, был непримиримым противником Агапито Карселеса.

Помимо упомянутых участников, тертулию обычно посещали еще двое: Марселино Ромеро, учитель музыки в женской гимназии, и Антонио Карреньо, чиновник из Продовольственной компании. Ромеро был тихий, болезненный и печальный человек. Его надежды на карьеру музыканта остались в прошлом, и ныне он обучал пару десятков девиц из хорошего общества, как правильно стучать пальцами по клавишам. Карреньо был рыжий худой тип с ухоженной бородой медного цвета, молчаливый и угрюмый. Он считал себя масоном и заговорщиком, хотя не имел ни малейшего отношения ни к тем, ни к другим.

Закручивая желтоватые от никотина усы, дон Лукас бросил испепеляющий взгляд на Карселеса.

– До чего ж упорно вы, друг мой, пытаетесь извратить устои нашей нации, – язвительно заговорил он. – Вас никто об этом не просит, и тем не менее нам приходится выслушивать ваши разглагольствования, которые завтра наверняка будут опубликованы и превратятся в крикливое воззвание, которыми кишат страницы вашей газетки... Так слушайте же, дружище Карселес: я заявляю вам свой протест. Я отказываюсь принимать ваши дутые аргументы. Вы только и знаете, что призывать всех к резне. Славный получился бы из вас министр внутренних дел!.. А вспомните-ка, что устроила ваша хваленая чернь в тридцать четвертом: восемьдесят монахов убиты разгоряченным сбродом, подстрекаемым бесстыжими демагогами.

¹⁴ Следовательно (*лат.*).

¹⁵ Сумрачной тенью своей нас черная ночь осеняет (*лат.*). Вергилий. Энеида, песнь II (перев. С. Шервинского).

¹⁶ *Фердинанд VII* (1784–1833) – король Испании, сын Карлоса IV (1748–1819) и Марии Луизы Пармской (1751–1819).

– Восемьдесят, вы сказали? – Карселес явно смаковал слова дон Лукаса, еще больше выводя того из себя. – Маловато, по-моему. А уж я-то знаю, о чем говорю. Отлично знаю! Жизнь клира я изучил, представьте себе, изнутри; да еще как изучил!.. В этой стране с ее Бурбонами и церковниками честному человеку делать нечего.

– Это вы о себе? Вам только дай волю, и вы пустите в дело ваши славные принципы...

– Принципы? Я знаю лишь один принцип: священник и Бурбон – из Испании вон. Фаусто! Еще пять чашек, платит дон Лукас.

– Как бы не так! – Ощетинившись, старик откинулся на спинку стула, заложил большие пальцы в карманы жилета и яростно сжал в глазу монокль. – Даже когда у меня есть деньги – сегодня, к сожалению, не тот случай, – я плачу только за друзей. А угощать фанатичного предателя я не стал бы никогда!

– Уж лучше быть, как вы изволите выражаться, фанатичным предателем, чем всю жизнь вопить: «Да здравствует монархия!»

Остальные участники тертулии поняли: пора обстановку разряжать. Дон Хайме, помешивая ложечкой кофе, попросил соблюдать тишину. Марселино Ромеро, учитель музыки, покинул свои заоблачные дали и вмешался в спор, предлагая в качестве темы музыку, что, впрочем, не вызвало ни у кого ни малейшего энтузиазма.

– Вы отклоняетесь от темы, – объявил Карселес.

– Я не отклоняюсь, – возразил Ромеро, – музыка важна для общества. Она способствует равенству в сфере чувств, рушит границы, объединяет народы...

– Этому господину по душе только одна музыка: «Гимн Риего!»¹⁷

– Да будет вам, дон Лукас.

В этот миг коту померещилась мышь, и он заметался под ногами участников тертулии. Антонио Карреньо, обмакнув указательный палец в стакан с водой, принялся выводить на шерба-том мраморе загадочные знаки.

– В Валенсии об одном, в Вальядолиде о другом. Ходят слухи, что в Кадисе Топете¹⁸ принял эmissаров, но поди проверь, правда ли это. Глядишь, в самый неожиданный момент сюда возьмет и нагрянет Прим собственной персоной. Вот будет заваруха!

И с таинственным видом посвященного Карреньо пустился рассказывать об очередном заговоре, секретные сведения о котором сообщили ему некие тайные осведомители, чьи имена он, разумеется, предпочитает держать за семью печатями. Про заговор, о котором шла речь, как и про дюжину других подобных заговоров, знал весь Мадрид, однако Карреньо это нисколько не смущало. Шепотом, то и дело озираясь по сторонам, перемежая рассказ множеством недомолвок и намеков («Я доверяю вашей порядочности, господа...»), он перечислял подробности своей захватывающей истории.

– Ложи, господа, – о масонских ложах он обычно рассуждал так же запросто, как другие рассказывают о своих домочадцах, – имеют колоссальное влияние на общество и политику. Скажу вам по секрету: о Карлосе VII¹⁹ никто уже и не думает; кроме того, без старика Кабреры²⁰ племянник Монтемолина²¹ – пустое место. Словом, Альфонсито долой: хватит Бурбонов. Быть может, нам подошел бы какой-нибудь заграничный вариант монархии, конституционный или

¹⁷ Рафаэль Риего (1785–1823) – испанский революционер, поднявший в 1820 г. восстание в армии. В период восстания «Гимн Риего» был объявлен национальным гимном страны.

¹⁸ Хуан Батиста Топете-и-Карбайо (1821–1885) – испанский адмирал и политик. Под его командованием в 1868 г. начался мятеж на флоте, положивший начало революции 1868 г., которая завершилась свержением Изабеллы II.

¹⁹ Речь идет о короновании Альфонса XII, сына Изабеллы II.

²⁰ Рамон Кабрера-и-Гриньо (1806–1877) – испанский военный, прославился жестокостью и репрессиями.

²¹ Карлос Луис де Бурбон, граф Монтемолин (1818–1861) – старший сын Карлоса Марии Исидро де Бурбона (1788–1855), брата Фердинанда XII, именовавшего себя Карлосом V. Унаследовал право на корону Испании. Претендовал на имя Карлоса VI.

что-нибудь в этом духе; хотя поговаривают, что Прим склоняется на сторону шурина королевы, Монпансье. А в противном случае всех ожидает «славная и независимая», предмет вожделений Карселеса.

– Да, господа, великая и свободная. – Карселес торжествующе поглядел на дона Лукаса. – И пусть монархисты роют себе могилы.

Однако насупившийся дон Лукас не сдавался – он готовился нанести ответный удар.

– Вот-вот, – проворчал он угрюмо, – свободная, демократичная, вольномыслящая, оборванная и никчемная республика. Кругом сплошное равноправие, а на Пуэрта-дель-Соль торчит гильотина, чей нехитрый механизм собственноручно приводит в действие дон Агапито. Никаких кортесов, ни черта. Народная ассамблея в Куатро-Каминосе, в Вентасе, в Вальекасе, в Карабанчеле²²... Вот что предлагают нам единомышленники сеньора Карселеса. А раз так, родившись европейцами, мы постепенно превратимся в папуасов!

Фаусто принес блюдо с гренками. Дон Хайме взял один и задумчиво обмакнул его в кофе. Маэстро крайне утомляли нескончаемые споры приятелей, но он понимал: эта компания не лучше и не хуже любой другой. Пара часов, проведенных на тертулии, частенько спасали его от уныния и одиночества. Эти люди со всеми их недостатками, ворчливые, хмурые, готовые растерзать любую живую тварь, случайно затесавшуюся в их спор, давали друг другу счастливую возможность сбросить гнет разочарований. В узком кругу завсегдатаев тертулии каждый смутно утешался, глядя на других и понимая, что его собственные неудачи – не исключение, и собеседники в той или иной степени разделяют его невеселую участь.

Это сознание таинственным образом их объединяло, и они продолжали исправно посещать собрания, ставшие ежедневными. Несмотря на бесконечные споры, политические разногласия и различные увлечения и занятия, пятеро приятелей представляли собой некое единство, и, хотя никто никогда не признался бы в этом открыто, все они походили на стайку сиротливых одиноких существ, плотно прильнувших друг к другу в поисках тепла.

Дон Хайме посмотрел вокруг и внезапно поймал печальный и кроткий взгляд учителя музыки. Пару лет назад сорокалетний Марселино Ромеро тяжело и безнадежно влюбился в одну достойную мать семейства, чью дочку прилежно обучал музыке. Нелепый треугольник учитель – ученица – мать вскоре распался, и каждый день бедняга, словно невзначай, проходил под одним балконом на улице Орталеса. Он стойко переносил муки неразделенной, безнадежной страсти.

Дон Хайме с искренней симпатией улыбнулся дону Ромеро, полностью ушедшему в свои переживания. Тот рассеянно улыбнулся ему в ответ. Дон Хайме подумал, что в памяти каждого мужчины дремлет горькое и нежное воспоминание о какой-нибудь женщине; у него в жизни тоже было нечто похожее, но его история закончилась много лет назад.

Часы на здании Почтамта пробили семь раз. Кот вернулся с охоты – ему так и не удалось ничего поймать.

Тем временем Агапито Карселес принялся декламировать анонимный сонет, посвященный покойному Нарваэсу; авторство сонета он, разумеется, приписывал себе.

О пилигрим! Когда увидишь ты однажды
дорогой в Лоху скромную могилу...

Дон Лукас зевнул во весь рот, желая позлить приятеля. По улице мимо окон «Прогресо» прошли две хорошо одетые сеньоры и, не останавливаясь, украдкой заглянули внутрь. Перехватив их взгляд, приятели вежливо поклонились. Один лишь Карселес был целиком поглощен своим сонетом:

²² Вентас, Вальекас, Карабанчела – пригороды Мадрида.

...замедли шаг, внемли: здесь спит отважный
пройдоха и достойнейший кутила...

Напротив кафе появился уличный продавец леденцов. Двое босых мальчишек преследовали его, жадно поглядывая на аппетитный товар; продавец обернулся и шикнул на них, как на воробьев. Вскоре в «Прогресо» вошли студенты и заказали оршад. Держа в руках газеты, они горячо обсуждали последнее уличное происшествие, в которое вмешались гражданские гвардейцы, прозванные «мужланами». Студенты с любопытством покосились на Карселеса – тот декламировал элегию на смерть герцога Валенсийского:

...Вояка храбрый, он увенчан славой:
на поле блуда не жалея силы,
в разврате и гульбе почил наш малый.
И дабы помянуть сего кутилу,
послушай, друг: не мудрствуя лукаво,
сними штаны и оскверни могилу.

Юноши захлопали, и Карселес, приложив руку к груди, согнулся в шутливом поклоне: ему явно польстила такая бурная реакция неожиданной аудитории. Послышались возгласы: «Да здравствует демократия!», и в довершение всего журналиста пригласили на вечеринку. Дон Лукас мрачно покручивал ус, бледнея от праведного гнева. Голодный кот вился у него под ногами, словно сочувствуя старику.

В зале звенели рапиры.

– Не теряйте ритма, господа... Вот так, очень хорошо... Неплохо. Еще раз. Вот так... Спокойно... Назад, и защищайтесь, вот так, правильно... Теперь внимание... На меня. Повторите... На меня. Быстрее!.. Парируйте. Так, верно... Правее! Держите дистанцию!.. Укол. Отлично, дон Альваро!

Дон Хайме переложил рапиру в левую руку, снял маску и отдышался. Альварито Саланова тер запястье; из-под металлической сетки, закрывавшей лицо, раздался ломающийся голос подростка:

– Ну как, маэстро?

Дон Хайме одобрительно улыбнулся.

– Неплохо, дорогой мой. Очень неплохо. – Он указал на рапиру, которую юноша сжимал в правой руке. – Однако вы по-прежнему легко уступаете третий сектор. Оказавшись в таком положении, увеличьте дистанцию, отступив шаг назад.

– Хорошо, маэстро.

Дон Хайме повернулся к остальным ученикам, готовым в любой момент вступить в бой. Держа в руках маски, они внимательно следили за поединком.

– Уступить третий сектор означает добровольно отдать себя во власть соперника... Вы согласны со мной?

Три юных голоса ответили утвердительно. Все ученики были почти ровесниками Альварито Салановы – от четырнадцати до семнадцати лет. Двое, светловолосые и стройные, удивительно походили друг на друга: это были братья Касорла, сыновья офицера.

Лицо третьего юноши казалось красноватым от множества прыщиков, сильно портивших его внешность. Юношу звали Мануэль де Сото, и он был сыном графа де Суэка. Дон Хайме давно уже потерял надежду сделать из него приличного фехтовальщика. Мануэль де Сото отличался излишней чувствительностью, и стоило поединку принять хоть сколько-нибудь

неожиданный оборот, он мгновенно выходил из себя. Желторотый юнец Саланова, худощавый смуглый парнишка из знатной семьи, оставил остальных учеников далеко позади. В лучшие времена при соответствующей подготовке и строгой дисциплине он, без сомнения, прославился бы в светских кругах как безупречный фехтовальщик; но в столь суетном веке, думал дон Хайме с горечью, его дарование останется незамеченным. Нынче молодым по душе иные забавы: путешествия, верховая езда, охота и прочие легкомысленные шалости. К величайшему сожалению, размышлял дон Хайме, современный мир предлагает молодежи слишком много соблазнов, лишаящих юные души мужества, столь необходимого, чтобы уметь наслаждаться таким утонченным и сложным искусством, как фехтование.

Взяв левой рукой наконечник рапиры, он слегка согнул клинок.

– А сейчас, господа, мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь из вас отработал с доном Альваро действие, которое оказалось сложным для нас всех. – Он пожалел прыщавого юношу и указал на младшего Касорла. – Давайте-ка вы, дон Франсиско.

Юноша вышел вперед и надел маску. Как и остальные ученики, он был с головы до ног в белом.

– Готовьтесь.

Юноши крепко сжали рукоятки рапир и встали друг против друга.

– Начинайте.

Они подняли рапиры, приветствуя друг друга, и приняли классическую стойку: правая нога немного выставлена вперед, оба колена согнуты, левая рука отведена назад под прямым углом к вытянутой вперед правой.

– Не забывайте старое правило – с рапирой надо обращаться так, словно у вас в руке птица: держите ее мягко, чтобы не раздавить, и в то же время крепко, чтобы не дать ей улететь... В особенности это касается вас, дон Франсиско. У вас скверная привычка посреди поединка оставаться безоружным.

– Да, маэстро.

– Не будем терять времени. За дело, господа.

В зале послышался тихий звон рапир. Юный Касорла блестяще повел атаку; стремительный, ловкий, он двигался с легкостью перышка. Его противник, Альварито Саланова, парировал сдержанно: когда грозила опасность, делал шаг назад, а не проворно отскакивал; упрямо оставался на месте, когда Касорла предлагал ему более активный бой. Вскоре их роли поменялись. Теперь нападал Саланова и – готовый отразить самую суровую атаку – явно терял терпение. Так, меняясь ролями, они продолжали поединок, пока серьезная ошибка не вынудила Пакито²³ Касорлу интенсивно защищаться после неудачного нападения. Издав торжествующий возглас, его противник с яростью бросился в атаку и дважды уколол Пакито в грудь.

Дон Хайме нахмурился и прекратил поединок, выставив между юношами рапиру.

– Должен сделать вам замечание, господа, – сказал он строго. – Безусловно, фехтование – это искусство. Но нельзя забывать, что это еще и точная наука. Не важно, какое у вас оружие – боевая шпага или рапира с безопасным наконечником: беря его в руку, вы не имеете права считать свои действия забавой. Если вам взбрело в голову поиграть, для этого есть обруч, волчок или оловянные солдатики. Я понятно говорю, сеньор Саланова?

Юноша с готовностью кивнул. Его лицо все еще закрывала маска. Серые глаза маэстро смотрели на него сурово.

– Вы не удостоили меня удовольствия слышать ваш ответ, сеньор Саланова, – добавил он холодно. – Кроме того, я не привык беседовать с людьми, не видя их лица.

Юноша пробормотал извинение и снял маску; его щеки пылали, словно мак. Он смущенно уставился в пол.

²³ *Пакито, Пако* – уменьшительные от имени Франсиско.

– Я спрашиваю: понятны ли вам мои слова?

– Да, сеньор.

– Не слышу ответа.

– Да, маэстро.

Дон Хайме окинул взглядом учеников. Юные лица смотрели на него напряженно и внимательно.

– Главное правило этого сложнейшего искусства, этой науки, которой я стараюсь вас обучить, можно передать одним-единственным словом: целесообразность...

Альварито Саланова поднял глаза и посмотрел на юного Касорлу; тот прочел в его взгляде с трудом сдерживаемую ярость. Разговаривая с учениками, дон Хайме опирался на упертую наконечником в пол рапиру.

– Лучше избегать, – продолжал он, – бравады и дерзких подвигов, один из которых нам только что продемонстрировал дон Альваро; кстати, будь в руке у его противника боевая шпага, а не учебная рапира, такой подвиг мог бы обойтись очень дорого... Ваша цель – вывести противника из боя спокойно, быстро и целесообразно, с наименьшим риском с вашей стороны. Никогда не наносите два укола, если достаточно одного; второй может повлечь опасные последствия. Никаких петушиных прыжков или чрезмерно элегантных атак: это отвлекает наше внимание от главной задачи – избежать гибели самому и, если это необходимо, убить противника. Фехтование – прежде всего вещь практичная.

– А мой отец говорит, что польза фехтования только в том, что оно укрепляет здоровье, – вежливо возразил старший Касорла. – Англичане называют это словом «спорт».

Дон Хайме взглянул на своего ученика так, словно услышал откровенную ересь.

– Вероятно, у вашего отца есть повод это утверждать. Но у меня иное мнение: фехтование – это нечто несоизмеримо более важное. Точная наука, высшая математика; сумма определенных слагаемых неизменно приводит к одному результату: победе или поражению, жизни или смерти... Я здесь с вами не для того, чтобы вы занимались спортом; вы постигаете целостную систему и однажды, защищая отечество или собственную честь, сможете оценить ее в полной мере. Мне безразлично, каков человек – силен или слаб, элегантен или неряшлив, болен чахоткой или совершенно здоров... Важно другое: со шпагой или рапирой в руке он должен чувствовать превосходство над любым противником.

– Но ведь существует и огнестрельное оружие, маэстро, – робко возразил Манолито де Сото. – Пистолет, например: он намного серьезнее шпаги, и с ним у всех равные шансы. – Он почесал нос. – Это как демократия.

Дон Хайме нахмурился. Его глаза смотрели на юношу с бесконечным презрением.

– Пистолет – не оружие, а уловка жалких трусов. Если один человек хочет убить другого, он обязан делать это лицом к лицу, а не издалека, будто жалкий разбойник. У холодного оружия есть этическое преимущество, которого недостает огнестрельному... Шпага – существо мистическое, господа. Да-да, фехтование – мистика для благородных людей. Особенно в нынешние времена.

Пакито Касорла поднял руку. Он явно сомневался в словах дон Хайме.

– Маэстро, на прошлой неделе я прочел в «Просвещении» статью о фехтовании... Там говорилось, что современное оружие сделало это искусство совершенно ненужным. И что рапиры и шпаги – отныне лишь музейные экспонаты...

Дон Хайме покачал головой. Как ему опостытели подобные рассуждения! Он посмотрел на свое отражение в зеркалах, развешанных на стенах: старый учитель в окружении последних верных учеников. Сколько они удержатся подле него?

– Это лишь повод сохранять верность, – ответил он печально. И никто не понял, что он имел в виду: фехтование или себя самого.

Альварито Саланова стоял перед ним, держа маску под мышкой и опершись на шпагу. На лице у него появилась скептическая гримаса.

– Возможно, когда-нибудь учителя фехтования вообще исчезнут с лица земли, – произнес он.

Стало тихо. Дон Хайме рассеянно глядел куда-то вдаль, словно там, за стенами зала, различал неведомые миры.

– Да, возможно, – пробормотал он, созерцая нечто, доступное лишь ему одному. – Но вы, мои ученики, должны мне поверить: в тот день, когда последний учитель фехтования окончит свой земной путь, все благородное и святое, в чем таится извечное противостояние человека с человеком, уйдет в могилу вместе с ним... И останутся лишь трусость и жажда убивать, драки и поножовщина.

Ученики слушали внимательно, но они были еще слишком молоды, чтобы понять смысл. Дон Хайме пристально всматривался в лица. Его взгляд остановился на Альварито Саланове.

– Должен признаться, – морщинки заиграли вокруг его ироничных печальных глаз, – я не завидую тем, кому суждено пережить войны, которые человечество будет вести лет через двадцать или тридцать.

В этот миг в дверь постучали, и то, что произошло далее, навсегда изменило жизнь учителя фехтования.

II

Двойная ложная атака

Двойная ложная атака служит для того, чтобы сбить противника с толку. Начинается она точно так же, как простая атака.

Он поднялся по лестнице, нащупывая в кармане серого сюртука краешек записки. Ее содержание было ему не вполне ясно:

Донья Адела де Отеро просит учителя фехтования дона Хайме Астарлоа прийти к ней домой по адресу: улица Рианьо, дом 14, завтра в семь вечера.

*С уважением,
А. д. О.*

Перед выходом дон Хайме тщательно привел себя в порядок: записку, должно быть, написала мать будущего ученика, и ему хотелось произвести наилучшее впечатление. Подойдя к незнакомой двери, он поправил галстук и постучал тяжелым бронзовым кольцом, вдетым в ноздри декоративной львиной головы. Затем достал из жилетного кармана часы: без одной минуты семь. Он немного подождал, прислушиваясь к легким шагам, приближавшимся к двери по длинному коридору. Засов отодвинулся, и появилось смазливое личико горничной, обрамленное белым чепцом. Взяв его визитную карточку, девушка удалилась, а дон Хайме вошел в маленькую, со вкусом обставленную залу. Жалюзи опущены; через открытые окна доносился шум экипажей, проезжавших по улице двумя этажами ниже. По всей зале – высокие вазы с экзотическими растениями, роскошные кресла, обитые алым шелком; на стенах висела пара неплохих картин. Будущие клиенты, видимо, богаты, и маэстро обрадовался. В его положении это было очень кстати.

Вскоре горничная вернулась и, взяв у него перчатки, трость и цилиндр, пригласила в гостиную. Он проследовал за ней в полумраке коридора.

Гостиная была пуста, и, сложив руки за спиной, он прошелся взад и вперед, внимательно рассматривая изысканное убранство. Последние лучи заходящего солнца, проникая в комнату через полуопущенные шторы, постепенно тускнели на скромных обоях в бледно-голубой цветочек. В мебелировке чувствовался отменный вкус; над английским диваном висела картина известного художника XVIII века: девушка в кружевах задумчиво обернулась на качелях в саду, видимо ожидая кого-то желанного. В углу стояло фортепьяно с откинутой крышкой, на пюпитре белели ноты. Он подошел поближе: «Полонез фа минор», Фридерик Шопен. Владелица фортепьяно была, без сомнения, дамой образованной.

В заключение дон Хайме осмотрел развешенную над мраморным камином коллекцию оружия: дуэльные пистолеты и рапиры. Внимательно, как истинный знаток, он изучал один предмет за другим. Старинные рапиры с золотой насечкой, одна французской, другая итальянской работы, – высочайшего класса. Отлично сохранились; на клинке маэстро не обнаружил ни намека на ржавчину, хотя едва заметные царапины не оставляли сомнений, что послужили рапиры на славу.

За спиной дон Хайме слышались шаги. Он неторопливо обернулся, готовясь произнести заранее подготовленное приветствие. Однако стоявшая перед ним дама весьма отличалась от образа, созданного им в воображении.

– Добрый вечер, сеньор Астарлоа, – произнесла она. – Благодарю вас за любезный визит к незнакомке.

У нее был приятный, чуть хриловатый голос, в выговоре проскальзывал едва уловимый чужеземный акцент. Дон Хайме склонился к протянутой руке и коснулся ее губами. Кожа – тонкая, прохладная, приятного смуглого оттенка; маленький мизинец изящно отогнут; ногти без маникюра, острижены коротко, по-мужски. Единственным украшением этой необычной руки было кольцо – тонкий серебряный ободок.

Дон Хайме выпрямился и увидел большие фиалковые глаза; в прямых лучах света зрачки отливали золотом. Черные густые волосы дамы были собраны на затылке перламутровой заколкой в форме орлиной головы. Для женщины она, пожалуй, высоковата – чуть ниже самого дона Хайме. Зато сложена вполне гармонично, если не считать несколько чрезмерной худобы. Ее тонкая талия не нуждалась в корсете. Одета в черную строгую, без всяких украшений юбку и шелковую блузку, отделанную кружевами. В этой женщине смутно, почти неуловимо проскальзывало что-то мужское; особенность еще более подчеркивал крохотный шрам в правом уголке рта – дама будто странно, загадочно усмехалась. Она была в том неопределенном возрасте, когда женщине с легкостью можно дать от двадцати до тридцати лет. У маэстро мелькнула мысль, что в далекие времена юности ради такой особы он, несомненно, пустился бы на любые сумасбродства.

Дама пригласила дона Хайме сесть, и они оказались лицом к лицу за маленьким столиком, стоявшим напротив балконной двери.

– Кофе, сеньор Астарлоа?

Он охотно согласился. Не дожидаясь зова, в гостиную неслышно вошла горничная. На серебряном подносе в ее руках нежно позвякивал фарфоровый сервиз. Хозяйка дома налила кофе и протянула чашку дону Хайме. Под ее испытующим взглядом он сделал несколько глотков. Дама быстро перешла к делу:

– Я бы хотела брать у вас уроки...

Маэстро застыл с чашкой в руках, машинально помешивая ложечкой сахар. Он решил, что ослышался.

– Я вас не совсем понимаю.

Она пригубила кофе и посмотрела на него с вызовом.

– Я навела кое-какие справки, и мне стало известно, что вы считаетесь лучшим учителем фехтования в Мадриде. Вас называют последним знатоком классической техники. Кроме того, я знаю: вы разработали секретный прием, ваш знаменитый укол, и ученики, им заинтересовавшиеся, могут посещать ваши занятия, уплатив тысячу двести реалов. Цена, безусловно, высока, но я в состоянии заплатить эту сумму. Я желаю брать у вас уроки.

Силясь прийти в себя от изумления, дон Хайме покачал головой:

– Простите, сеньора, но... Это совершенно невозможно. Я и в самом деле знаю секрет этого укола и обучаю ему клиентов за названную вами цену. Но, прошу вас, поймите меня... Я, то есть фехтование... Для женщины это исключено. Я хочу сказать, что...

Фиалковые глаза смотрели холодно. Шрам в уголке рта казался загадочной улыбкой.

– Я понимаю, о чем вы. – Адела де Отеро аккуратно поставила чашку на стол и соединила ладони, словно бы в молитве. – Однако я не вижу никаких препятствий в том, что я – женщина. Для вашего успокоения, сеньор, скажу больше: я неплохо владею многим из того, что вы преподаете своим ученикам.

– Дело вовсе не в этом. – Маэстро уже начинал нервничать. Он провел пальцем по шее над воротником: ему становилось жарко. – Поймите меня правильно. Женщина и фехтование... Одно с другим несовместимо.

– Вы хотите сказать, что к этому плохо отнесется общество?

Она смотрела на него в упор, держа в руках чашечку с едва отпитым кофе. Не сходявшая с ее губ загадочная улыбка смущала и беспокоила маэстро.

– Поймите меня правильно, сеньора, это лишь одна причина. Заниматься вашим обучением я не могу. В моей практике не случилось ничего подобного.

– Вы боитесь за свой авторитет, маэстро?

Дон Хайме уловил в ее голосе вызов и насмешку. Он осторожно поставил чашку на стол.

– Сеньора, так не принято. Это просто неслыханно. Может, где-нибудь за границей, но здесь, в Испании... Я, по крайней мере, обучать вас не стану. Обратитесь к другому преподавателю. Вероятно, он окажется более... сговорчив.

– Я должна узнать секрет этого приема, а учителя лучше вас в Мадриде нет.

Польщенный дон Хайме улыбнулся:

– Возможно, сеньора, я и вправду лучший учитель фехтования, как вы изволили выразиться. Но я уже слишком стар, чтобы менять свои привычки. Мне пятьдесят шесть, и своим делом я занимаюсь уже более тридцати лет. И уроки у меня всегда брали исключительно мужчины.

– Времена меняются.

Дон Хайме печально вздохнул:

– Вы правы. И представьте себе, на мой вкус, времена меняются слишком уж быстро. Позвольте же мне, сеньора, не изменять старым привычкам. Они – мое единственное богатство.

Адела де Отеро молча смотрела на маэстро, медленно покачивая головой, словно старательно взвешивала его аргументы. Затем поднялась и направилась к камину с коллекцией оружия.

– Говорят, ваш укол невозможно отразить.

Дон Хайме скромно улыбнулся:

– Это несколько преувеличено, сеньора. Если владеешь техникой, отразить его проще простого. Придумать неотразимый укол мне пока не удалось.

– И вам действительно платят за него двести эскудо?

Дон Хайме не ответил. Настойчивость дамы ставила его в неловкое положение.

– Прошу вас, сеньора, не уговаривайте меня.

Она повернулась к нему спиной, поглаживая пальцем острие одной рапиры.

– Я бы хотела узнать, сколько вы берете за свои уроки.

Дон Хайме не спеша поднялся.

– С каждого ученика я беру в среднем от шестидесяти до ста реалов в месяц. За четыре урока в неделю. А теперь, с вашего позволения...

– Вместо двухсот эскудо я заплачу вам две тысячи четыреста реалов.

Дон Хайме опешил. Названная сумма вдвое превосходила обычную плату, которую он изредка получал за обучение своей технике от заинтересовавшихся его мастерством клиентов. Желаящие встречались не так уж часто, а преподавал он за эти деньги целых три месяца.

– Возможно, сеньора, вам даже не приходит в голову, что ваше предложение для меня унизительно.

Неожиданно дама повернулась к нему лицом, и на мгновение дону Хайме показалось, что в ее фиалковых глазах вспыхнула ярость. У маэстро мелькнула мысль, что представить ее с рапирой в руке совсем несложно.

– Значит, по-вашему, этой суммы недостаточно? – невинно спросила она.

Дон Хайме выпрямился. Губы его побледнели. Если бы на подобное заявление осмелился мужчина, не прошло бы и пары часов, как наглец общался бы с праотцами в лучшем из миров. Но Адела де Отеро была женщиной, к тому же – красивой, и это полностью меняло дело. Маэстро не мог дожидаться, чтобы этот утомительный, нелепый разговор закончился.

– Дорогая моя сеньора, – спокойно сказал он, и его голос звучал холодно и учтиво. – Уколу, который так вас заинтересовал, я обучаю за твердую цену, установленную мною раз и

навсегда; поднимать ее я не намерен. Кроме того, я беру в обучение лишь тех, кого считаю достойным, и не собираюсь отказываться от права выбора, а уж тем более – торговаться, как на рынке. Всего доброго.

Служанка принесла ему цилиндр, перчатки и трость, и, не проронив более ни слова, он вышел за дверь и спустился по лестнице. До него донеслись звуки шопеновского «Полонеза». Чьи-то пальцы яростно били по клавишам.

– Укол... Хорошо... Повторите... Остановка. Вольт... Еще раз, пожалуйста. Вот так... Вперед, наступайте. Смелее... Сократите дистанцию... На меня. Еще раз, теперь в четвертый сектор... Правильно. Великолепно, любезный. Замечательно. Вы же знаете: главное – время и дисциплина.

Прошло несколько дней. Прим все так же тенью висел над монархией; королева Изабелла собиралась в Лекейтио на морские купания, настоятельно рекомендуемые врачами, лечившими ее кожную болезнь, которой она страдала с детства. Помимо духовника и короля, ее сопровождала целая толпа герцогинь, слуг, дворцовых сплетников, прихлебателей и прочих персон, без которых королевский дом был бы просто немыслим. Дон Франсиско де Асиз, робко выглядывавший из-за плеча своего верного секретаря Менесеса, прятал глаза и облизывал губы, отчего лицо его принимало необычайно кроткое и постное выражение, а Марфори, министр вооруженных сил, всем назло красовался перед публикой в погонах, заработанных неустанными подвигами в спальнях чужих жен.

По обеим сторонам Пиренеев эмигранты и ссыльные генералы открыто готовили заговор, пытаясь насытить свою мучительную, безмерную жажду власти. Депутаты, эти скромные пассажиры третьего класса, поддержали бюджет, только что разработанный Министерством обороны, отлично понимая, что большая часть этого бюджета идет на жалованье чиновникам военных корпусов, чья верность короне зависела от повышений по службе и синекур. Эти господа ложились спать «модерадос», а просыпались убежденными либералами: всё решали изменения в послужных списках. Сиживая вечерами в тени, жители Мадрида преспокойно листали подпольные газеты и потягивали прохладное вино из глиняных кувшинов. На улицах, призывая покупателей, пронзительно кричали торговцы:

– Холодный оршад, ароматный холодный оршад!

Маркиз де Аяла не хотел покидать летний Мадрид и наслаждался фехтованием в обществе дона Хайме. Поединки завершались рюмочкой хереса, превратившейся в ритуал. В кафе «Прогресо» Агапито Карселес по-прежнему пел дифирамбы республике, а более сдержанный Антонио Карреньо чертил масонские знаки и защищал унитариев, не отвергая при этом конституционную монархию. Дон Лукас каждый вечер произносил пылкие речи; учитель музыки задумчиво водил пальцем по мраморной столешнице, кротко и печально глядя в окно. А дон Хайме, к своему величайшему изумлению, не мог изгнать из памяти образ Аделы де Отеро.

На третий день раздался звонок в дверь. Дон Хайме только что вернулся с утренней прогулки и приводил себя в порядок, собираясь пообедать в кафе на улице Майор.

Перед тем как надеть сюртук, он наносил на руки и лицо живительную прохладу одеколona, надеясь спастись от жары. Прозвенел колокольчик, и маэстро удивленно замер: он никого не ждал. Поспешно провел расческой по волосам, накинул старый шелковый халат, оставшийся от лучших времен и давно нуждавшийся в починке, вышел из спальни, пересек маленькую гостиную, одновременно служившую ему кабинетом, и открыл входную дверь. Перед ним стояла Адела де Отеро.

– Добрый день. Я могу войти?

Голос ее звучал робко. На ней было будничное платье небесно-голубого цвета с широким вырезом – край выреза, рукава и подол обшиты белыми кружевами – и соломенная шляпка,

украшенная букетиками фиалок под цвет глаз. В руках, обтянутых перчатками из тех же кружев, она держала маленький голубой зонтик. Сейчас в дверях Адела де Отеро показалась дону Хайме куда привлекательнее, чем в строгой гостиной на улице Рианьо.

На мгновение дон Хайме смутился: неожиданный визит застал его врасплох.

– Разумеется, сеньора, – ответил он в замешательстве. – Проходите, сделайте милость.

Он жестом пригласил ее войти, хотя присутствие этой дамы после неприятного разговора несколько дней назад было ему в тягость. Словно угадав его мысли, она приветливо улыбнулась.

– Спасибо, что впустили меня, дон Хайме. – Фиалковые глаза пристально смотрели на него, и беспокойство маэстро возросло. – Я опасалась... Однако именно такого приема я и ожидала. Как хорошо, что я не ошиблась.

Дон Хайме понял – Адела де Отеро, судя по всему, боялась, что он захлопнет дверь перед ее носом. Такое подозрение возмутило его: прежде всего он считал себя настоящим кабальеро. Но она впервые обратилась к нему по имени, и это смягчило негодование маэстро.

– Прошу вас, сеньора, – любезно произнес он и пригласил ее перейти из маленькой прихожей в гостиную. Адела де Отеро остановилась в центре полутемной комнаты, с любопытством осматривая предметы, судьба которых была связана с историей жизни дона Хайме. Небрежно провела пальцем по корешкам книг на пыльных дубовых полках: дюжина старинных трактатов о фехтовании, сочинения Дюма, Виктора Гюго, Бальзака... Были там «Параллельные жизнеописания» Плутарха, зачитанный Гомер, «Гейнрих фон Офтердинген» Новалиса, несколько романов Шатобриана и Виньи, мемуары и трактаты о военных кампаниях Первой империи; сочинения по большей части – на французском языке.

Дон Хайме извинился и, зайдя в спальню, снял халат, надел сюртук и торопливо повязал под воротник рубашки галстук. Когда он вернулся в гостиную, гостья рассматривала старое, потемневшее от времени полотно, висевшее на стене среди старых шпаг и ржавых клинков.

– Это ваш родственник? – спросила она, показав на тонкое юное лицо, строго смотревшее с портрета. Человек был одет по моде начала века, светлые глаза взирали на мир недоуменно и недоверчиво. Широкий лоб и суровое достоинство – своим необычным обликом портрет чем-то напоминал самого дона Хайме.

– Это мой отец.

Адела де Отеро перевела взгляд на маэстро, потом снова посмотрела на портрет, словно ища подтверждение его словам. Казалось, сравнение ее удовлетворило.

– Красивый человек, – произнесла она своим чуть хрипловатым голосом. – Сколько же ему лет на этом портрете?

– Не знаю, сеньора. Он умер в тридцать один год, за два месяца до того, как я появился на свет, во время войны с Наполеоном.

– Он был военный? – Казалось, человек на портрете ее в самом деле заинтересовал.

– Нет. Он был арагонским идальго из породы упрямых и несговорчивых людей, которых возмущает малейшее давление, малейшее требование «делай так, а не эдак»... Он ушел с небольшим отрядом в горы и убивал там французов, пока не убили его самого. – В голосе маэстро звучала затаенная гордость. – Говорят, он умер в одиночестве, как волк. Солдаты обложили его со всех сторон, а он до последнего на великолепном французском выкрикивал им оскорбления.

Гостья еще какое-то время пристально рассматривала портрет. Слушая рассказ дона Хайме, она не сводила с картины глаз, покусывала задумчиво нижнюю губу, а шрам в уголке рта загадочно улыбался. Затем женщина медленно повернулась к маэстро.

– Вас, наверное, тяготит мое присутствие, дон Хайме.

Не зная, что сказать, маэстро отвел глаза. Адела де Отеро положила шляпку и зонтик на стол, беспорядочно заваленный бумагами. Ее волосы, как и в первый раз, были собраны на затылке. Голубое платье в суровом кабинете смотрелось причудливым ярким пятном.

– Можно, я сяду? – Ее голос смущал и будоражил маэстро. Быть может, она сознательно прибегала к этому неотразимому оружию. – Я зашла к вам случайно, гуляя по городу. Мадридская жара меня просто убивает.

Торопливо извинившись за неучтивость, маэстро предложил ей старое кресло, обтянутое потертой кожей. Сам же придвинул табурет, уселся от гостьи в некотором отдалении и сдержанно покашлял: ей не удастся увлечь его в неведомый край, где, как ему казалось, поджидает неумолимая опасность.

– Я слушаю вас, сеньора де Отеро.

Почувствовав вежливую холодность в его словах, прекрасная незнакомка улыбнулась. «Какая необычная женщина», – подумал дон Хайме. Он знал ее имя, и только; остальное – тайна. С тревогой маэстро осознал, как стремительно, овладевая всем его существом, растет то, что в начале знакомства было всего лишь искоркой любопытства. Он попытался взять себя в руки, терпеливо ожидая начала беседы. Донья Адела заговорила не сразу – ее спокойствие уже начинало раздражать маэстро. Фиалковые глаза блуждали задумчиво по комнате, словно желая отыскать какую-нибудь мелочь, что помогла бы ей глубже понять сидевшего перед ней человека. А дон Хайме тем временем изучал черты ее лица, не дававшие ему покоя все эти дни. Губы у женщины были полные, четко очерченные – будто надрез на заморском фрукте с сочной алой мякотью. Маэстро подумал, что шрам в уголке рта не только не портит ее красоту, но придает ее лицу особую прелесть, какую-то смутную, волнующую жестокость.

Едва она появилась в дверях, дон Хайме приготовился повторить свой решительный отказ. Женщина никогда не переступит порог его зала. Он ожидал просьб, бурного женского красноречия, кокетства, лукавых уловок и ухищрений, свойственных прекрасному полу... Он не позволит сбить себя с толку, пообещал себе маэстро. Будь он лет на двадцать моложе, кто знает – он оказался бы сговорчивее и поддался таинственным чарам этой удивительной женщины. Но в столь преклонные годы подобные пустяки не могли сломить его дух. Он не хотел от своей прекрасной гостьи ровным счетом ничего; в его возрасте присутствие такой женщины могло вызвать лишь смутное волнение, но он, несомненно, легко сможет его погасить. Дон Хайме решил держаться невозмутимо и стойко. Ему ничто не угрожало: этой своенравной даме не удастся его смутить. Однако к ее вопросу он оказался совершенно не готов.

– Как бы вы ответили, дон Хайме, если бы при атаке ваш противник нанес вам укол в третий сектор с переводом?

Маэстро подумал, что ослышался. Он поднял руку, словно прося извинения, и растерянно замер. Провел пальцами по лбу, опустил руки на колени и уставился на гостью, словно только что ее заметил. Это нелепость.

– Простите, не понимаю.

Она смотрела на него с интересом, и в глазах ее блеснул недобрый огонек. Голос прозвучал неожиданно жестко:

– Я хотела бы узнать ваше мнение, дон Хайме.

Маэстро вздохнул и сел поудобнее. Все это дьявольски странно.

– Вас это действительно интересует?

– Разумеется.

Поднеся ладонь ко рту, дон Хайме откашлялся.

– Хорошо... Конечно, если эта тема... Так вы говорите, укол в третий сектор с переводом? – В конце концов, это просто вопрос, как и любой другой; странно лишь слышать его из уст женщины. Хотя после того, как он увидел ее в дверях, его уже трудно было чем-либо

удивить. – Итак, если мой противник делает вид, что хочет уколоть в третий сектор, я нанесу ему укол во второй. Понимаете? Это довольно просто.

– Ну а если на ваш укол он ответит уколом вниз, а затем внезапно атакует в четвертый сектор?

Дон Хайме посмотрел на гостью в полной растерянности. Она выбрала верную тактику.

– В этом случае, – сказал он, – я бы парировал четвертой защитой и неожиданно атаковал в третий сектор. – На этот раз он уже не добавил: «Понимаете?» Было очевидно: донья Адела отлично все понимала. – Это единственный разумный ход.

Она откинула назад голову, и неожиданно на ее лице отразился такой восторг, что она, казалось, вот-вот расхохочется. Но донья Адела лишь молча улыбнулась и пристально взглянула на маэстро.

– Вы хотите разочаровать меня, дон Хайме? Или вы меня испытываете? Вы же отлично знаете, что это не единственный разумный ход. И, как мне кажется, далеко не лучший.

Дон Хайме заметно смутился. Такого поворота он и вообразить не мог. Что-то подсказывало ему, что перед ним – чужое, враждебное существо, но одновременно в нем зародилось и крепко другое чувство. Неудержимое профессиональное любопытство. Он решил осторожно дать ему волю – настолько, чтобы продолжить увлекательную игру и посмотреть, к чему она приведет.

– Вы хотите предложить что-нибудь другое? – спросил он вежливо, хотя в голосе его послышалась ирония.

Донья Адела кивнула; она раскраснелась, ее глаза горели так возбужденно, что их блеск смутил маэстро.

– Я вижу как минимум два решения, – ответила она с уверенностью, но без тени хвастовства. – Я бы могла, так же как и вы, парировать четвертой защитой плотно к шпаге противника, а затем сделать резкий выпад в четвертый сектор ближе к его руке. Что вы на это скажете?

Дон Хайме подумал, что это не только правильно: это замечательно.

– Ну а каков второй вариант?

– Вот так. – Адела де Отеро задвигала правой рукой, импровизируя движение рапиры. – Парировать четвертой защитой, затем резко изменить угол. Думаю, вы согласитесь со мной: любой укол всегда быстрее и эффективнее, если он делается в том же секторе, что и парирование. Защита и ответ должны быть едины.

– Укол в бок технически довольно сложен. – Неожиданный спор захватил дон Хайме. – Где вас ему обучили?

– В Италии.

– Кто был вашим учителем?

– Это к делу не относится. – Обворожительная улыбка смягчила жесткий ответ. – Скажу только, что он считался одним из лучших фехтовальщиков Европы. Он обучил меня девяти основным атакам, их вариантам и способам их отразить. Он был очень терпеливый человек. – Она подчеркнула прилагательное. Взгляд ее был тверд и прям. – И мой учитель не видел ничего зазорного в том, что обучает своему искусству женщину.

Дон Хайме пропустил ее замечание мимо ушей.

– Какова основная опасность укола в бок? – спросил он, пристально глядя ей в глаза.

– Встречный укол.

– Как его избежать?

– Нанести свой укол как можно ниже.

– Как отразить укол в бок?

– Двойным вольтом и низкой четвертой защитой. Это похоже на экзамен, дон Хайме.

– Это и есть экзамен, сеньора де Отеро.

Они смотрели друг на друга, не произнося ни слова, и вид у них был такой утомленный, словно они действительно только что окончили сложный поединок. Дон Хайме внимательно разглядывал собеседницу: он впервые обратил внимание на ее правое запястье – крепкое и сильное, впрочем, от этого не менее тонкое и изящное. Блеск ее глаз, жесты при описании поединка были чрезвычайно выразительны. Дон Хайме мог безошибочно уловить признаки, по которым угадывался хороший фехтовальщик. Он упрекнул себя за то, что позволил ничтожным предрассудкам ослепить свою интуицию.

Разумеется, все происходившее между ними оставалось до сей поры чистой теорией; старый маэстро понимал, что настал момент проверить способности дамы на практике. Казалось, эта дьявольская донья Адела вот-вот совершит невозможное: после тридцати лет пробудит в преподавателе желание воочию увидеть, как владеет шпагой женщина. И не просто женщина, а именно она, эта странная сеньора де Отеро.

Гостья пристально смотрела на него, терпеливо ожидая окончательного ответа. Дон Хайме покашлял:

– Признаюсь вам со всей откровенностью. Я, мягко говоря, удивлен.

Адела де Отеро не ответила и даже не шелохнулась. Она казалась невозмутимой: заранее предвидя реакцию маэстро, явилась она отнюдь не с целью его удивить.

На самом деле решение дон Хайме уже принял, но до поры до времени не хотел этого показывать: ей не следовало знать, что он уступает так быстро.

– Жду вас завтра в пять пополудни. Если вам удастся выдержать экзамен, мы назначим день первого занятия. Постарайтесь прийти... – Он кивнул на ее платье и почувствовал, что краснеет. – Постарайтесь одеться соответствующим образом.

Он ожидал, что она радостно вскрикнет, захлопает в ладоши, – словом, выразит свой наивный восторг так, как это обычно делают женщины.

Не тут-то было: Адела де Отеро, не говоря ни слова, только смотрела на него, и ее лицо показалось маэстро таким непроницаемым и загадочным, что неожиданно для себя он почувствовал, как холод пробежал по его спине.

Свет масляного фонаря отбрасывал на стены комнаты причудливо танцующие тени. Дон Хайме вывернул фитиль почти до конца, и в комнате стало светлее. Маэстро начертил на листе бумаги две линии, сходящиеся под углом, и соединил концы полукругом. Получившийся угол составлял приблизительно семьдесят пять градусов. Его лучи ограничивали пространство, в котором предстояло действовать рапире. Он отметил цифру и вздохнул. Укол во второй сектор, батман в четвертый; быть может, верный путь таков. Но что за этим следует?.. Ответный укол, очевидно – тоже в четвертый сектор. Правильно ли он поступит? Вариантов довольно много... Затем он непременно атакует в четвертый сектор или, может, во второй, но это будет ложная атака... Нет, не годится. Здесь все слишком очевидно. Дон Хайме отложил карандаш и, не сводя с тени глаз, изобразил движение рапиры. Просто абсурд, подумал он с грустью: каждый раз воображаемый поединок завершалось какое-либо известное классическое действие, которое противник без труда мог предвидеть и парировать. Совершенный укол – особенное действие. Точное, стремительное, неожиданное и неотразимое, как удар молнии... Но какое же именно?

В тусклом свете фонаря надписи на книжных корешках поблескивали золотом. На стене монотонно раскачивался маятник; стоило карандашу маэстро прервать чуть слышное скольжение по листу бумаги – и в тишине комнаты раздавалось лишь нежное тиканье часов. Дон Хайме побарабанил пальцами по столу, глубоко вздохнул и посмотрел в распахнутое окно. В глубоких сумерках вырисовывались смутные очертания мадридских крыш, едва посеребренных тоненьким серпом месяца.

Мысли его вернулись к уколу в четвертый сектор. Он опять взял карандаш, обкусанный с одного конца, и заново набросал линии и полукруг. А если атаковать в третий сектор с переводом?

Это довольно рискованно – лицо фехтовальщика оставалось незащищенным. Значит, надо откинуть голову и парировать третьей защитой... В какой же момент атаковать? Когда противник сделает шаг назад? Самое разумное – атаковать уколом в третий или четвертый сектор... Маэстро вновь нетерпеливо побарабанил пальцами по листу. Это не вело ровным счетом ни к чему; ответ на оба действия можно прочесть в любом учебнике фехтования. Что же еще может следовать за батманом в третью позицию? Он снова провел линии, окружность, обозначил градус, полистал книги на столе. Все казалось сомнительным, ненадежным и никоим образом не соответствовало тому, что брезжило в его воображении.

Дон Хайме решительно поднялся, отодвинул стул и, взяв фонарь, пошел в зал. Фонарь он поставил на пол у одного из зеркал, скинул халат и сжал рукоятку рапиры. Свет снизу отбрасывал на его лицо причудливые и зловещие тени, отчего дон Хайме стал похож на призрака. Он сделал несколько движений навстречу своему отражению. Атака в третий сектор. Батман. Атака. Батман. Трижды наконечник рапиры коснулся отражения, что двигалось внутри зеркала, в точности повторяя все движения маэстро. Атака. Батман. Две следующие одна за другой ложные атаки. Но что же дальше? Он гневно стиснул зубы. Ведь должно же быть правильное решение!

Вдалеке, на здании Почтамта, часы пробили трижды. Маэстро резко выдохнул и замер. Наитие покинуло его. Но ведь некогда и сам Люсьен де Монтеспан пришел к неутешительному выводу.

– Совершенного укола не существует, – говорил этот учитель всех учителей, когда кто-нибудь задавался подобным вопросом. – Или, точнее говоря, их множество. Каждый укол, настигающий противника, совершенен, но не более того. Любая атака может быть отражена встречным уколом. Поединок двух бывалых противников может длиться вечно... И тогда Случай, этот мастер разрешать ситуацию самым непредвиденным способом, кладет поединку конец, рано или поздно заставляя одного из противников совершить ошибку. Значит, единственный выход – максимально сосредоточиться, откладывая вмешательство Случая до того момента, когда ошибку допустит противник. Остальное, друзья мои, – пустые мечты.

И все же дон Хайме упрямо продолжал верить. Он мечтал о неотразимом уколе, который будет назван в честь его, Хайме Астарлоа, о своем Граале. Эта заветная мечта – найти совершенный, неотразимый укол – преследовала его уже много лет, с ранней юности, с той давней поры, когда он учился в военной школе, собираясь поступить на службу в армию...

Армия... Как сложилась бы его жизнь? Молодой офицер, которому выпала честь быть сыном героя, павшего в войне за независимость, получил распределение в Королевский гарнизон Мадрида – тот самый, где служил Рамон Мария Нарваэс... Великолепная карьера лейтенанта Астарлоа не состоялась – в самом начале ее подрубило безумство юности: однажды в его жизни появилась шелковая кружевная мантилья, из-под которой агатовым блеском сияли глаза, а тонкая белоснежная рука держала с бесподобным изяществом веер... Молодой офицер страстно влюбился; но внезапно, как это обычно происходит в подобных историях, возник и некто третий – соперник, бесцеремонно вставший у него на пути... А потом – холодный туманный рассвет, звон шпаг, протяжный стон и алое пятно на пропитанной потом рубашке; пятно стремительно росло, и никто не мог остановить поток крови. Бледный потрясенный юноша смотрел на поверженного соперника, не веря своим глазам; угрюмые секунданты уговаривали юношу бежать, чтобы сохранить свободу, которой грозила неминуемая опасность... Потом граница, дождливый вечер, рельсы железной дороги, уносившие его на северо-восток изумрудными полями, под свинцово-серым небом. И жалкий пансион на берегу Сены, и мрачный неприветливый город под названием Париж...

Случайный приятель, ссыльный испанец, добившийся неплохого положения в парижском обществе, порекомендовал его маэстро Люсьену де Монтеспану, в те времена самому выдающемуся учителю фехтования во всей Франции. Заинтересовавшись судьбой юного дуэлянта, мсье Монтеспан взял его в ученики и очень скоро обнаружил в нем недюжинное дарование. Вначале единственной обязанностью Хайме Астарлоа было подавать клиентам полотенца, следить за состоянием оружия и выполнять мелкие поручения знаменитого маэстро. Вскоре у него появились некоторые успехи, и маэстро стал обращаться к нему с более серьезными просьбами, уже непосредственно связанными с ремеслом. Двумя годами позже Монтеспан переехал сперва в Австрию, потом в Италию. Его молодой ученик неотступно следовал за ним. Ему только исполнилось двадцать четыре года, и его очаровали Вена, Милан, Неаполь и, главное, Рим, где они с маэстро провели довольно долгое время, давая уроки в одном из самых модных римских залов. Слухи о мастерстве Монтеспана очень скоро разнеслись по всему городу. Его сдержанный классический стиль, воплощение старой французской школы, резко контрастировал произвольной, вычурной и несколько хаотичной технике, модной в Италии. Именно там, в Риме, благодаря своим незаурядным природным данным дон Хайме превратился в великолепного фехтовальщика и завсегдатая светских салонов. И неизменно рядом с ним был учитель; Хайме Астарлоа привязался к нему и исполнял при нем обязанности помощника и секретаря. Вскоре мсье Монтеспан стал доверять ему занятия с начинающими – кому следовало обучиться азам фехтования, прежде чем перейти к урокам самого маэстро.

Там, в Риме, дон Хайме влюбился во второй раз, и там же состоялась вторая в его жизни дуэль на боевых шпагах. Однако на сей раз эти два замечательных события не были взаимосвязаны: роман оказался страстным, но скоротечным и закончился сам собой. Дуэль же была продиктована неписаными законами света: некий римский аристократ публично подверг сомнению мастерство Люсьена де Монтеспана.

Старый маэстро хотел было прислать к обидчику, некоему Леонардо Капоферрато, своих секундантов, но дон Хайме его опередил. Дело решилось самым достойным образом, то есть – со шпагой в руках: произошло все под кронами величавых сосен Лачио, в честном классическом поединке. Капоферрато, чье мастерство наводило на многих фехтовальщиков суеверный ужас, вынужден был признать, что, прав он или не прав относительно мастерства самого мсье Монтеспана, но ученику маэстро, этому самонадеянному сеньору Астарлоа, не составило особого труда всадить острие шпаги ему, доблестному Капоферрато, между ребер, задев легкое и ранив его не смертельно, но довольно серьезно.

Так прошло несколько лет, о которых дон Хайме всегда вспоминал с теплотой и благодарностью. Но зимой 1839 года мсье Монтеспан впервые обнаружил симптомы недомогания, позднее и приведшего к смерти. Он решил вернуться в Париж. Хайме Астарлоа не захотел бросать своего учителя, и они покинули Италию вместе. Там, в Париже, маэстро посоветовал ученику начать самостоятельный путь и написал ему рекомендательное письмо для вступления в закрытое сообщество учителей фехтования. Выждав некоторое время, дон Хайме, которому к тому времени исполнилось двадцать семь, успешно выдержал экзамен Парижской академии боевых искусств – самого престижного в ту пору заведения – и получил диплом, позволявший беспрепятственно заниматься выбранной профессией. Так он стал одним из самых молодых учителей фехтования в Европе, и, хотя его молодость несколько внушала недоверие знатым клиентам, предпочитавшим обращаться к преподавателям, чей возраст, по их мнению, был гарантией опыта, хорошая репутация и теплые рекомендательные письма мсье Монтеспана позволили дону Хайме вскоре набрать довольно много богатых учеников. В гостиной его висел старинный герб семьи Астарлоа: серебряная наковальня и девиз «На меня!». Он был испанцем, носил звонкую фамилию идалго и имел полное право гордиться своим гербом. Кроме того, шпагой он владел дьявольски ловко. Все это благоприятствовало тому, чтобы новоявленный учитель фехтования стяжал в Париже успех и известность. У него накапливались деньги и

опыт. В ту же пору он в поисках совершенства принялся отрабатывать укол, изобретенный им самим. Технику его Хайме Астарлоа ревностно хранил в тайне до того дня, когда настойчивые друзья и ученики упросили маэстро включить прием в число прочих действий, которым он обучал. Это и был тот знаменитый укол «за двести эскудо», вскоре сделавшийся чрезвычайно популярным среди великосветских дуэлянтов, которые щедро платили за обучение, если им требовалось успешно разрешить конфликт с опытным соперником.

Оставаясь в Париже, Хайме Астарлоа поддерживал тесную дружбу со своим бывшим учителем и частенько его навещал. Каждый раз учитель и ученик неизменно брались за рапиры, хотя болезнь уже делала свое черное дело, подтачивая силы маэстро Монтеспана. И вот настал день, когда непобедимый учитель был уколот шесть раз подряд, а его рапира не коснулась нагрудника ученика ни единого. В шестой раз Хайме Астарлоа замер, словно сраженный наповал, и швырнул на пол рапиру, жалобно бормоча извинения. Но старик лишь грустно улыбнулся в ответ.

– Однажды, – сказал он, – ученик должен победить учителя. Тебе нечему больше учиться у меня. В добрый путь!

Никогда не вспоминали они тот случай, но больше ни разу не брались за рапиры. Несколько месяцев спустя, при очередном визите, дон Хайме увидел учителя возле камина. Его ноги были укутаны в теплый плед. Тремя днями ранее он закрыл свою школу фехтования, передав всех учеников дону Хайме. Его страданий не мог облегчить даже опиум, и он чувствовал приближение смерти. До него донесся слух, что его бывший ученик затеял новую дуэль, на этот раз с неким субъектом, преподававшим фехтование без диплома Академии. Осмелиться на преподавание без необходимого разрешения означало впасть в немилость у остальных маэстро, для которых наличие диплома – железное правило. Наказание за непростительное нарушение должно было последовать неизбежно, и члены Академии, крайне щепетильные в такого рода вопросах, решили проучить самозванца. Защитить честь корпорации выпало на долю самого молодого маэстро, дона Хайме Астарлоа.

Учитель и ученик долго беседовали о предстоящей дуэли. Монтеспан навел кое-какие справки о виновнике всеобщего недовольства – некоем Жане де Роланди – и теперь рассказывал славному защитнику Академии о нраве его соперника. Этот Роланди был неплохой фехтовальщик, однако, по сути дела, ничего выдающегося собой не представлял. Его стиль отличался некоторыми серьезными недоработками, которые можно было против него использовать. Он был левша, и, хотя это качество представляло собой определенный риск для дона Хайме, привыкшего сражаться с противниками, чья рапира всегда в правой руке, Монтеспан несколько не сомневался, что в дуэли победит ученик.

– Имей в виду, сын мой: левша часто проигрывает во времени и не может нанести укол в бок, поскольку не в состоянии применить правильной оппозиции... С этим Роланди можешь смело защищаться четвертой защитой. Согласен?

– Да, маэстро.

– Выбирая действия, помни: как показывает мой опыт, рапира в левой руке – не лучшая защита. Левша вначале обычно держит рапиру чуть выше рапиры соперника, но поединок захватывает его, и он опускает руку. Как только увидишь, что рука опущена, смело атакуй.

Хайме Астарлоа нахмурился. Несмотря на пренебрежительный отзыв старика-учителя, фехтовальщиком Роланди был искусным.

Мсье Монтеспан покачал головой.

– Вздор. Тот, кто это сказал, – еще хуже Роланди, а уж тебя-то – и подавно. Неужели ты беспокоишься из-за этого шарлатана?

Дон Хайме покраснел.

– Вы же сами учили меня, маэстро, насколько опасно недооценивать соперника, каков бы он ни был.

Старик улыбнулся:

– Совершенно верно. Но переоценивать его тоже не стоит. Роланди – левша, и этим все сказано. Это его свойство содержит не только риск, но и преимущество, которым ты обязан воспользоваться. Самозванцу не хватает точности. Твоя задача – атаковать, как только увидишь, что он опустил руку; атакуй, парируй, застань соперника врасплох и отступи. Ты должен во всем его опережать, предупреждать каждое движение, стоит ему шевельнуть рукой или сделать шаг. Если воспользуешься случаем и предупредишь его атаку, ты уколешь его, потому что сделаешь одно движение, а он – два.

– Я последую вашему совету, маэстро.

– Я в тебе несколько не сомневаюсь, – удовлетворенно произнес старик. – Ты мой лучший ученик; когда у тебя в руке рапира, ты – само хладнокровие и невозмутимость. В поединке, который тебя ждет, ты будешь достоин своего имени... Да и моего тоже. Наноси несложные уколы справа, защищайся без особых затей, вольтами и полувольтами; уколами во второй сектор старайся отвечать на уколы в четвертый... Когда сочтешь нужным, используй левую руку. Пижоны этим приемом не пользуются, считая его неэстетичным; но на дуэли, когда на карту поставлена сама жизнь, в ход должно идти все, что может тебя защитить; если, конечно, это не противоречит закону чести.

Встреча произошла тремя днями позже в Венсеннском лесу. Собралась довольно многочисленная публика. То было не просто зрелище: дуэль превратилась в целое событие, о нем даже упоминали газеты. Присланный по особому распоряжению отряд гвардейцев сдерживал толпу любопытных. Существовал закон, запрещающий дуэли; но на карту была поставлена репутация Французской академии, и официальные власти смотрели на поединок сквозь пальцы. Кое-кто был недоволен, что для выполнения столь важной миссии выбор пал на испанца, однако Хайме Астарлоа был маэстро Парижской академии, жил во Франции давно, а учил его не кто иной, как сам знаменитый Люсьен де Монтеспан; такие аргументы убедили даже самых рьяных шовинистов. Помимо зрителей и суровых секундантов в черном, на лесной поляне собрались все парижские учителя фехтования и их коллеги, специально приехавшие из провинции на дуэль. Не было только старика Монтеспана: врачи запретили ему выходить из дома.

Роланди оказался смуглым, несколько тщедушным человеком лет сорока с маленькими живыми глазками. Его жидкие волосы завивались крупными кольцами. Он знал, что симпатии публики не на его стороне, и, по правде сказать, предпочел бы очутиться где-нибудь подальше от этого злосчастного места. Однако события сложились таким образом, что ему осталось лишь смириться и участвовать в поединке, зная, что слава о его позорном поражении немедля облетит всю Европу. Бедняге Роланди трижды отказывались дать титул учителя фехтования, хотя он неплохо владел шпагой и рапирой. Итальянец по происхождению, бывший солдат кавалерии, он давал уроки фехтования в жалкой комнатенке, чтобы прокормить жену и четверых детей. Пока шли приготовления, он нервно поглядывал на Хайме Астарлоа, стоявшего в отдалении с невозмутимым видом. Узкие черные брюки и просторная белая рубашка подчеркивали худобу маэстро. «Юный Дон Кихот» – так назвала его одна газета, откликнувшаяся на это событие. Он был настоящим профессионалом и чувствовал молчаливую поддержку членов Академии – этих строгих, одетых во все черное, увешанных наградами людей в цилиндрах, с тростями. Они стояли в нескольких шагах от него, резко выделяясь в толпе зрителей.

Публика жаждала грандиозной битвы, однако всех ждало разочарование. Едва поединок начался, Роланди совершил непростительный промах, на пару дюймов опустил руку. Он начал атаку, чтобы застать противника врасплох; в ответ Хайме Астарлоа искусно париловал и, не раскрываясь, сделал решительный выпад и нанес мгновенно укол. Лезвие его рапиры скользнуло вдоль руки Роланди и, не встречая никакого сопротивления, свободно вошло в подмышечную впадину. Бедняга отлетел назад вместе с рапирой... Он тяжело рухнул на траву: из

его спины торчало окровавленное острие. Подоспевший на выручку врач не смог спасти ему жизнь. Лежа на земле, Роланди, насквозь пронзенный шпагой, бросил угасающий взгляд на своего палача и, захлебнувшись кровавой пеной, скончался.

Услышав новость, Монтеспан пробормотал:

– Ну вот и славно...

Сидя в кресле, он не отрываясь смотрел на весело горевшие в камине дрова. Старик умер два дня спустя, и его любимому ученику, который уехал из Парижа, чтобы переждать поднявшийся шум, так и не удалось с ним проститься.

Вернувшись в столицу, дон Хайме узнал о смерти старого учителя от друзей. Он выслушал известие молча, без гримасы страдания или боли, и отправился бродить по набережной Сены. Остановился напротив Лувра, глядя на мутную воду убегающей реки, и долго стоял неподвижно, пока не потерял всякое представление о времени. Когда он пришел в себя, настала ночь. Дон Хайме не спеша побрел домой. На следующее утро он узнал, что Монтеспан ему оставил свое единственное сокровище: коллекцию старинного оружия. Он купил букетик цветов, поймал экипаж, поехал на кладбище Пер-Лашез и положил на серую каменную плиту, под которой покоилось тело учителя, цветы и рапиру, пронзившую Роланди.

Это случилось почти тридцать лет назад. Дон Хайме смотрел на свое отражение в зеркале на стене фехтовального зала. Потом нагнулся, взял фонарь и внимательно, морщинку за морщинкой, изучил свое лицо. Монтеспан умер в пятьдесят девять – всего на три года старше нынешнего дона Хайме, и последним воспоминанием об учителе был силуэт старика, сидящего у камина.

Маэстро провел рукой по седым волосам. Прожитая жизнь не вызвала у него сожалений: он любил и сражался, не идя наперекор своим убеждениям. Хранил множество бесценных воспоминаний, что оправдывали его жизнь, оставаясь его единственным сокровищем... Лишь одно вызывало у него печаль: не было никого, кому бы он мог, подобно Люсьену де Монтеспану, завещать после смерти свое оружие... Лишившись бережных и сильных рук, наполняющих безмолвную сталь жизнью, рапиры и шпаги превратятся в никчемный хлам и сгинут в небытии, погребенные в самом темном углу лавчонки старьевщика. Их покроет пыль и ржавчина, и они навеки умолкнут, как их покойный хозяин. Никто не положит рапиру на могилу дона Хайме.

Он подумал об Аделе де Отеро и затосковал. Эта женщина вошла в его жизнь слишком поздно: ей не удастся сорвать с его увядших губ ни единого слова нежности.

III

Неопределенное время ложной атаки

К неопределенному времени, как и к любому сложному маневру, следует относиться со всей осторожностью: необходимо предугадать намерения противника, внимательно изучить его поведение и правильно оценить последствия, к которым оно может привести.

До ее прихода оставалось всего полчаса. Дон Хайме бегло взглянул на свое отражение в зеркале и остался удовлетворен. Никому из его знакомых не удалось сохранить в такие годы столь блестящую форму. Благодаря худобе и энергичным, четким движениям, наработанным неустанными занятиями фехтованием, издали его можно было принять за юношу. Он тщательно побрился своей старой английской бритвой с ручкой из слоновой кости, аккуратно подравнивал тонкие седые усы, расчесал белые волосы, немного вьющиеся на висках и затылке; пробор с левой стороны был безупречен, словно его прочертили по линейке.

Предвкушая первое свидание, он был счастлив, точно молодой офицер, впервые надевший форму... Это почти забытое чувство ничуть его не тяготило, напротив – бодрило и радовало. Он открыл свой единственный флакон одеколона, spraysнул им руки и осторожно нанес благоухающую прохладную влагу на щеки и шею. Вокруг его глаз собрались тонкие морщинки: он улыбался.

Дон Хайме не ожидал от этой встречи ничего: он был слишком благоразумным человеком, чтобы тешить себя пустыми мечтами. Однако с удивлением замечал, как новые переживания постепенно захватывают его. Впервые его учеником была женщина, и то, что эта женщина – Адела де Отеро, придавало всей ситуации особую прелесть, которую он, сам не зная почему, осознавал как некое эстетическое удовольствие. Его необычный ученик – противоположного пола. Ему удалось с этим смириться, подавить возмущение, загнать предрассудки в столь дальний угол, что их слабый ропот уже не был слышен. И внезапно он ощутил свежесть и новизну: случилось нечто совершенно чуждое его доселе однообразному существованию. Дон Хайме без сопротивления отдался тому, что совсем недавно пробуждало в нем лишь тяжелые предчувствия и невеселые мысли, – захватывающей игре оживших чувств, в которой единственным действующим лицом был он сам.

Без четверти пять дон Хайме последний раз обошел дом. В кабинете, одновременно служившем гостиной, все было на своих местах. Консьержка, трижды в неделю мывшая в квартирах полы, аккуратно протерла зеркала в зале; тяжелые портьеры и полуприкрытые ставни создавали в зеркальном отражении уютный золотистый полумрак. Без десяти пять он последний раз осмотрел себя в зеркале, поспешно пригладил волосы и расправил складки одежды. На нем был привычный рабочий костюм – рубашка, узкие брюки, тонкие кожаные туфли; все безупречной белизны. Поверх костюма он надел темно-синюю куртку английского сукна, вышедшую из моды, довольно заношенную, однако удобную и легкую, которая – он знал это – придавала ему безупречно элегантный вид. Вокруг шеи маэстро повязал платок из тонкого белого шелка.

Когда маленькие настенные часы уже готовы были пробить пять, он сел на диван в кабинете, положил ногу на ногу и рассеянно открыл книгу, лежавшую на соседнем столике: потерянный том «Мемориала Святой Елены»²⁴. Дон Хайме перевернул несколько страниц, тщетно пытаясь сосредоточиться на чтении, однако вскоре опять поднял взгляд на часы: семь минут

²⁴ «Мемориал Святой Елены» – дневник французского историка графа Эмманюэля де лас Казаса (1766–1842), бывшего секретарем Наполеона на острове Св. Елены.

шестого. Он посетовал было на женскую неточность, но внезапно его охватил страх: а что, если она не появится? Он уже начал терять надежду, как вдруг раздался стук в дверь.

Фиалковые глаза смотрели на него лукаво и оживленно.

– Добрый день, маэстро.

– Добрый день, сеньора де Отеро.

Она обернулась к служанке, стоявшей позади нее на лестнице. Дон Хайме узнал смуглую девушку, открывшую ему дверь на улице Рианьо.

– Ты свободна, Лусия. Зайди за мной через час.

Девушка подала хозяйке маленькую дорожную сумку и, поклонившись, вышла на улицу. Адела де Отеро вытащила из шляпки длинную булавку и протянула шляпку и парасоль маэстро. Затем сделала несколько шагов по кабинету и, остановившись напротив портрета, произнесла те же слова, что и накануне:

– Какой красивый человек!

Дон Хайме заранее обдумал, какой прием следует оказать даме, и решил держать себя с ней так же, как со всеми остальными учениками. Нахмурился и покашлял, словно давая понять, что Адела де Отеро явилась к нему не для того, чтобы рассматривать портреты предков. Холодным и одновременно учтивым жестом он пригласил ее в зал. Она посмотрела на него с интересом и удивлением и покорно кивнула, словно послушная школьница. Маленький шрам в правом уголке рта походил на загадочную улыбку, столь волновавшую дону Хайме.

Войдя в зал, маэстро отдернул одну из портьер, и в окно ворвался поток солнечного света, вспыхнувшего в высоких зеркалах. Лучи ярко осветили сеньору де Отеро, превратив ее замерший против окна силуэт в золотой столп. Она огляделась, приятно удивленная обстановкой этого необычного помещения; у нее на груди сверкнул камешек фиалкового цвета. От дона Хайме не ускользнуло, что эта загадочная особа всегда надевала что-нибудь под цвет глаз; их редкий оттенок она умела использовать с выгодой для себя.

– Как мило! – воскликнула она с неподдельным восхищением. Дон Хайме бегло окинул взглядом зеркала, старинное оружие, портьеры и пожал плечами.

– Обычный зал для фехтования, – возразил он. Однако в глубине души был польщен.

Но Адела де Отеро покачала головой, покосившись на свое отражение.

– Нет, не обычный. Этот рассеянный свет, старинные шпаги на стенах, темные портьеры... – Ее глаза несколько дольше обычного вглядывались в глаза дона Хайме, и тот смущенно отвернулся. – Наверное, тренироваться здесь – настоящее удовольствие, дон Хайме. Все это так...

– Старомодно?

Дама нахмурилась, не улыбнувшись шутке.

– Я не то хотела сказать. – Чуть хрипловатый голос звучал неуверенно – она искала подходящее определение. – Я хочу сказать, что здесь... витает дух декаданса. – Она повторила слово, будто оно пришлось ей по вкусу. – Декаданса в его самом прекрасном значении; это как увядший цветок или хорошая старинная гравюра. Познакомившись с вами, я подумала, что ваш дом именно таков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.